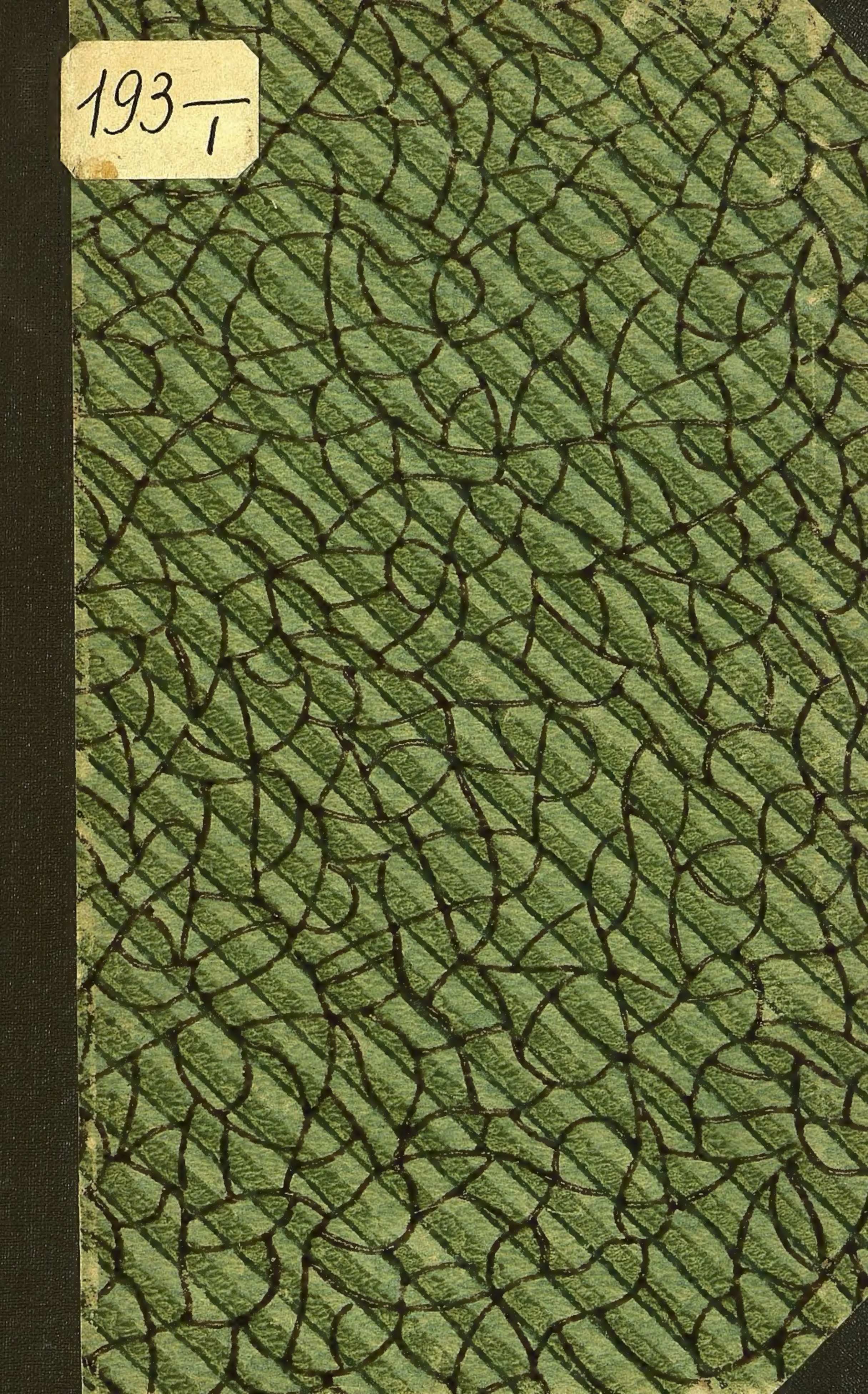
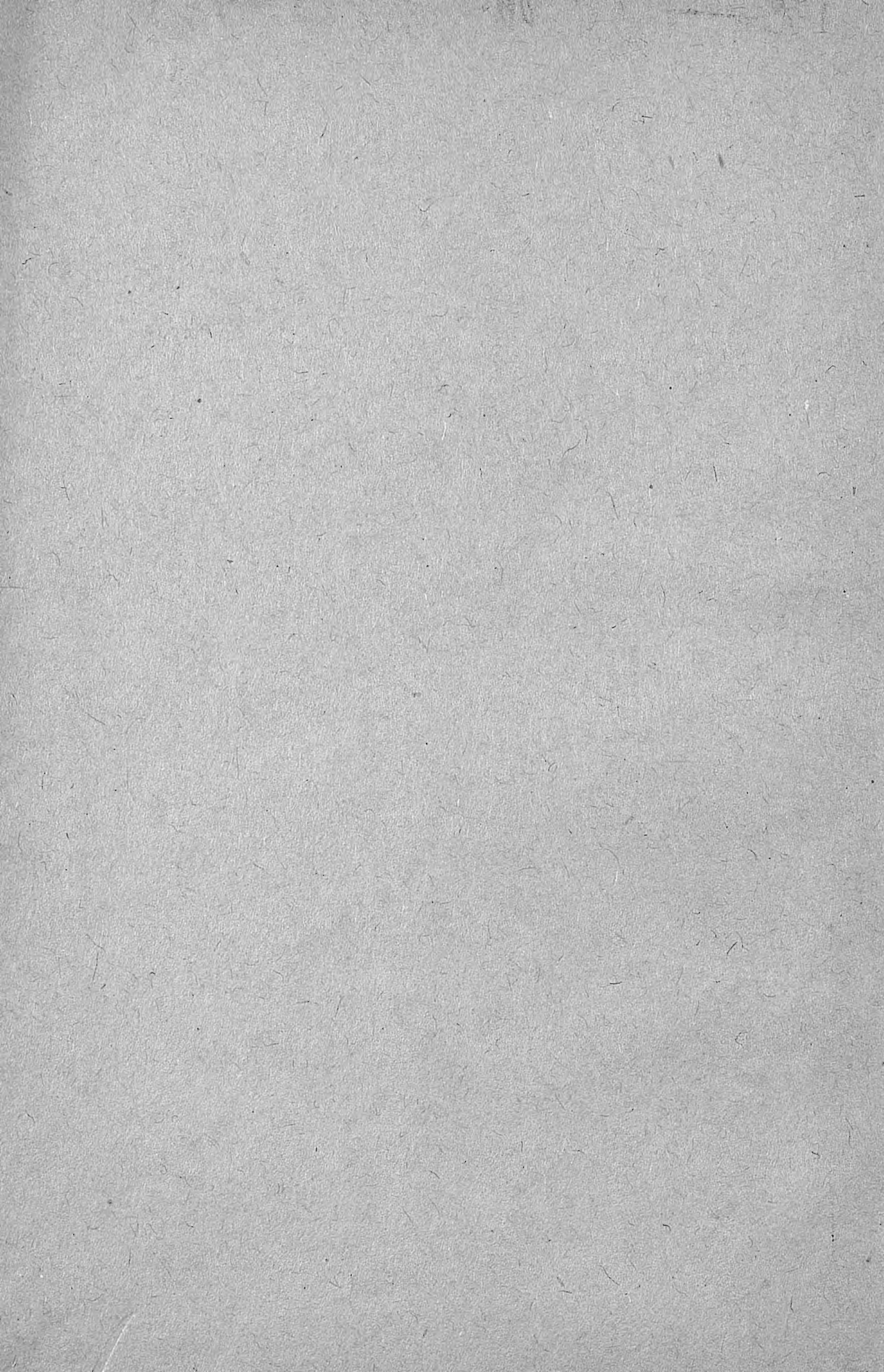

193 Т

193/I

131/2

Э. И. ГУМБЕЛЬ

ЧЕТЫРЕ ГОДА ПОЛИТИЧЕСКИХ УБИЙСТВ

458/4

ПЕТРОГРАД «КНИГА» МОСКВА
1923

193

Э. И. ГУМБЕЛЬ

Четыре года политических убийств

Перевод с 5-го немецкого издания

В. Н. РОЗАНОВА.

458/4.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Петроград, Пр. 25-го Октября, 74, тел. 1-34-34.
Москва, Тверская, 38, телефон 2-64-61 и 280-09.

Петрооблит 5721. Тираж 3000.

Типография Культ.-Просв. Отд. Петрогубпрофсовета. Красная, 24.

Четыре года политических убийств

„Я передаю эту книгу министру юстиции с формальным предложением расследовать отдельные факты и сообщить нам результаты расследования".

Из речи произнесенной 5 июля 1921 г. министром юстиции Радбрухом в бытность его депутатом рейхстага.

Посвящается Аните Ориентер

Предисловие переводчика.

Книга Гумбеля помимо политических целей преследует и вполне определенную практическую цель—восстановление попранной справедливости. Желая добиться определенного ответа от правительства и судов и не позволить им уклониться от него под каким-либо предлогом, Гумбель собрал ряд фактов, точно проверенных, установленных оффициально со всеми подробностями: с указанием места, времени, имен, профессии, возраста и т. д.

Все эти подробности имеют огромное значение в Германии, ибо только в этом всеоружии подлинности факта и возможно оперировать с ним в парламенте, в суде, в разных административных инстанциях. Но в русском переводе эти подробности, не имея своего практического значения, только увеличивали бы объем и тем самым цену книги и затрудняли бы чтение. Поэтому мы опу-

стили их во всех тех случаях, когда они были несущественны для характеристики самого факта. По этой же причине мы опустили ссылки на подлинные документы и именной перечень всех жертв террора, оставив сводные статистические данные, характеризующие различное отношение судов к разным политическим направлениям. Далее:

1) мы опустили главу, критикующую с юридической стороны правомерность исключительных судов в Баварии, так как политическая физиономия этих судов обрисована достаточно ярко в другом месте, чисто же юридическая сторона, по нашему мнению, была бы русскому читателю мало интересна;

2) в главе об отношении правительственных органов к политическим убийствам мы опустили подлинные письма прокуроров, оставив общую характеристику их ответов, достаточно ярко рисующую их классовую пристрастность. Подлинные же письма (совершенно одинакового содержания) могут иметь значение в Германии, но не интересны в России;

3) мы выпустили из перечня тайных организаций те, относительно которых автор ничего не сообщает кроме их названия;

4) мы выпустили немногие отдельные инциденты в тех случаях, когда они представляли собою простое повторение предыдущего случая только с другими именами и другой датой.

Имея в виду, как читателей, своих соотечественников и современников автор часто употребляет имена и названия, которые в Германии у всех на языке, но которые ничего не говорят среднему русскому читателю. Мы сочли нужным в этих случаях дать краткие пояснения в примечаниях.

Предисловие автора.

Эта книга говорит о политических убийствах, происшедших в Германии со времени 9 ноября 1918 г. *). Сюда включены одинаково убийства, совершенные, как приверженцами левых, так и правых партий. Мы регистрировали всякий случай убийства, раз только дело шло об убийстве по внутренне-политическим мотивам какого-либо известного по имени немца другим немцем же и если это происшествие нельзя было квалифицировать, как массовое действие, но следовало признать индивидуальным деянием. Я включаю в свой обзор только такие случаи убийства, при которых совершившая деяние сторона не утверждала, что она подвергалась нападению толпы, и при которых дело идет о вполне определенных виновниках убийства, а не о самосуде безыменной толпы или других т. п. действиях.

*) День революции в Германии. *Прим. переводчика.*

В подборе фактов я поступал гораздо осторожнее, когда речь шла об убийстве, совершенном правыми, чем при убийствах, совершенных левыми. Поэтому я включил в свой обзор много случаев революционных убийств, которые имели скорее характер беспорядков, чем политических убийств.

Что касается точности приводимых данных, то в каждом отдельном случае я прилагал возможно большую тщательность и всегда старался добиться документальной точности. В качестве материала я пользовался судебными протоколами, приговорами, постановлениями о прекращении судебного преследования, показаниями свидетелей, сообщениями защитников и родственников, наконец, газетными заметками. Судебные отчеты я изучал преимущественно по правым газетам. Во всех случаях, когда материал был не точен, я обращался письменно к родственникам обвиняемого и составителям газетного отчета. Если на запрос не получалось удовлетворительного ответа, то я оставлял эти случаи убийства без рассмотрения. Поэтому, каждое выставляемое в этой книге утверждение я могу обосновать документально. Принципиально я брал только те случаи убийства, где имя жертвы мне

было известно. Приводимые в книге анонимные случаи служат только для наглядности представления о соответствующих событиях. Только в двух местах я отступил от этого принципа.

Труднее всего было получить данные о том, в каком положении находится судебное дело. Возможно, поэтому, что в тех случаях, где мне ничего не было известно о судебном деле, в действительности ведется следствие или судебное дело было прекращено. Наоборот, число приводимых мною судебных кар, я думаю,—исчерпывающее.

Книга эта не претендует на то, чтобы дать исчерпывающий перечень решительно всех политических убийств, имевших место в Германии за последние годы. Поэтому я прошу читателей, имеющих сведения о фактах, здесь не приведенных, сообщить о них издателю.

Настоящая книга является продолжением и переработкой моей брошюры «Два года убийств». Там я, между прочим, выставил утверждение, что немецкое правосудие оставляет безнаказанными свыше 300 политических убийств. Я полагал, что такое мое утверждение может иметь только одно из двух последствий. Либо немецкая юстиция

думает, что я говорю правду, и тогда убийцы должны понести кару. Либо она думает, что я лгу, и тогда меня следует покарать, как клеветника. На самом же деле получилось третье, совершенно непредвиденное, последствие, а именно:

Хотя моя брошюра обратила на себя внимание, тем не менее со стороны администрации не было сделано ни малейшей попытки оспаривать правильность моих утверждений. Наоборот, высшая компетентная инстанция, имперский министр юстиции, много раз вполне определенно подтверждал то, что я говорил. И все-таки ни один убийца не был наказан.

Берлин, 16 октября 1922 г

ЧАСТЬ I.

Четыре года убийств.

Убийства до марта 1919 г.

Парламентарии из здания „Vorwärts“.

В январе 1919 г. революционные рабочие овладели зданием «Vorwärts» *). Правительственные войска осадили здание. Осажденные рано утром 11 января послали в качестве парламентариев, с ясными значками и, конечно, без оружия, следующих людей: редактора В. Фернбаха, В. Гейзе, В. Мёллнера, К. Грубуша, Э. Клюге, А. Шётлера и Ваккермана.

Фернбах не принадлежал к числу осажденных. Он пришел в это здание только 10 января после обеда и не мог уже выйти назад вследствие осады. Все 7 парламента-

*) Vorwärts — „Вперед“ — центральный орган немецкой социал-демократической партии, помещается в собственном большом доме. *Примеч. переводчика.*

риев были отведены в драгунскую казарму и там в 10 ч. утра расстреляны. По сообщению обер-лейтенанта фон-Карнапа отцу убитого Фернбаха, они стали жертвою самосуда ворвавшихся солдат, хотя они были безоружными, причем фон-Карнап и присутствовавший вместе с ним при этом майор Ф. фон-Стефани ничего не могли предпринять против этого. Майор же фон-Стефани писал жене Фернбаха:

«Фернбах находился среди спартаковцев, которые были взяты с оружием в руках в осажденном здании и у которых были найдены пули дум-дум. Они потеряли жизнь во время сражения, именно были убиты выстрелами».

И это утверждение тоже не соответствует фактам. В процессе Ледебура 23 мая 1919 г. был допрошен в качестве свидетеля граф Вестарп, руководивший осадой. Он показал, что семеро расстрелянных имели ясные парламентарские значки, что они не были схвачены с оружием в руках и что при них, конечно, не было найдено никаких пуль думдум. Сам майор фон-Стефани взял потом обратно перед гвардейским дивизионным судом свое утверждение. В действительности же по занесенным в судебные акты единодушным показаниям свидетелей солдат В. Гельмса, Г. Шиккрама, присутствовавшего при расстреле, санитарного ефрейтора Г. Штеттина и солдата В. Кена и, наконец, по

собственному показанию майора фон-Стефани в следственной комиссии прусского ландтага 3 июня 1919 г. дело происходило так, что сам Стефани дал приказ о расстреле. Он сослался при этом на существующий якобы приказ правительства, что, однако, было правительством опровергнуто. Известны даже имена двух солдат, приводивших его приказ в исполнение: вахмистр О. Вебер и ефрейтор Зельцер. У семи расстрелянных были сняты ботинки и шапки. На теле Мёллнера найдены две штыковые раны. Кроме того, ему был нанесен удар в левую часть лица. На жалобу Фернбаха отца, от 29 января 1919 г. прокуратура ответила, что инцидент исчерпан. Фернбах - отец возбудил против Стефани перед судом обвинение в убийстве. Только 31 января 1920 г. суд гвард. кавал. дивизии в Потсдаме сообщил ему, что против Стефани возбуждено судебное преследование за превышение власти. Но суд не состоялся. Вследствие уничтожения военных судов дело перешло в октябре 1920 г. к берлинской прокуратуре. Прокурор окружного суда II округа, д-р Ортманн, не подписал приказа об аресте Стефани. Более того: Стефани оставался на военной службе и принимал участие в бое за Мюнхен. 14 июля 1921 г. суд II округа в составе Гартмана, Сименса и д-ра Френкеля освободил от судебного преследования Стефани, Вебера и Зельцера «за отсутствием достаточных дока-

зательств». Частная жалоба отца Фернбаха против Стефани была судом оставлена без последствий 20 декабря 1920 г. В марте 1922 г. его требование денежного возмещения, предъявленного к военному министру, было признано окружным судом I окр. по существу правильным. При аналогичных жалобах родственников других убитых казна требует удостоверений личности убитых.

Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

При обыске одной квартиры 15 января 1919 г. в Вильмерсдорфе *) были арестованы гражданской милицией **) без ордера на арест *К. Либкнехт* и *Р. Люксембург*. Арестованные были отведены в гостиницу «Эден», где помещался штаб гвард. кавал. стрелковой дивизии. По официальному сообщению от 16 января, Либкнехт был застрелен при попытке к бегству, а Р. Люксембург пала жертвой самосуда большой толпы. «На конвой не падает никакой вины». По показаниям же в суде, убийство произошло следующим образом.

Площадь перед гостиницей «Эден» была совершенно пуста. Карла Либкнехта выводили из гостиницы на автомобиль. При этом сол-

*) Крайняя юго-зап. часть Берлина. *Прим. переводчика.*

**) Добровольная гражданская милиция—„Einwohnerwehr“—рекрутировалась преимущественно из буржуазных слоев и играла контр-революционную роль. *Примеч. переводчика.*

дат Рунге сзади два раза ударил его прикладом по голове. Либкнехт упал, почти потеряв сознание. Офицеры стояли и сидели тут кругом, не препятствуя избиению. Конвойная команда состояла из офицеров Горста фон-Пфлюгг-Гартунг, Штиге, Липмана, фон-Ритгена, Шульце, Гейнца фон-Пфлюгг-Гартунг и солдата Фридриха. Все сильно вооружены. Вместо того, чтобы ехать к Моабитской тюрьме автомобиль поехал вдоль Нового Озера по направлению к Шарлоттенбургскому шоссе. На одном месте, где от дороги *) отходила совершенно темная тропинка, случилась якобы авария. Либкнехт еще был оглушен ударом. Его спросили, может ли он итти, двое конвойных поддерживали его справа и слева, двое пошли впереди, а двое сзади. Все они были с заряженными револьверами и ручными гранатами. Через несколько шагов Либкнехта застрелили якобы потому, что он пытался убежать. Первым выстрелом капитан фон-Пфлюгг - Гартунг. После злодеяния автомобиль исправился. На нем тело было отвезено в приемный покой и там сдано, как «труп неизвестного».

Когда Розу Люксембург выводили через тот же самый парадный подъезд гостиницы, у дверей стоял тот же Рунге. Капитан Петри отдал приказание позаботиться, что-

*) Дорога шла через Тиргартен—огромный парк в центре Берлина. *Примеч. переводчика.*

бы Люксембург не попала в тюрьму живой*). Когда г-жа Люксембург проходила через дверь, Рунге дважды ударил ее по голове, так что она упала. Начальник конвоя обер-лейтенант Фогель этому не противодействовал. Г-жу Люксембург впихнули в автомобиль. Когда автомобиль отъезжал, какой-то человек подскочил сзади и ударил ее по голове твердым предметом. По дороге обер-лейтенант Фогель выстрелил ей в голову. Автомобиль поехал между каналом Ополчения и Зоологическим садом. На набережной канала стояла кучка солдат. Автомобиль остановился. Солдаты по приказанию Фогеля бросили труп в канал.

Участники убийства на следующий день фотографировались все вместе, после попойки**).

Целые недели ничего не предпринималось со стороны властей в этом деле. Правительство предоставило ведение следствия той же самой дивизии, к которой принадлежали убийцы. Представители совета рабочих депутатов Руш и Струве, откомандированные для участия в следствии, предложили произвести целый ряд арестов. Когда их предложение было отклонено, они отказались от участия в следствии***).

*) Меморандум Исп. Ком.

**) Протоколы суда, 4-й день.

***) 31 января 1919 г., меморандум членов Центр. и Исполн. Комитета.

Рунге получил через лейтенанта Липмана фальшивые документы, был переведен в другую часть, потом дезертировал, скрылся и первое время его нельзя было найти. Он был арестован в средине апреля, обер-лейтенант Фогель—20 февраля.

8 мая дело началось слушанием в военном суде. Обер-лейтенант Грюцнер показал на суде, что со стороны офицеров на него оказывали давление в том смысле, чтобы он с своей стороны оказал воздействие на караульную команду гостиницы «Эден» с целью добиться благоприятных показаний на суде и чтобы он удалил из команды неблагонадежные элементы. Пфлюгг-Гартунг признал, что он «дал взаймы» 500 марок солдату Пешелю, который правил автомобилем, отвозившим Люксембург. Солдаты Грантке и Вебер показали под присягой, что обер-лейтенант Фогель выстрелил в Розу Люксембург и приказал бросить труп ее в воду. Двое обвиняемых и сам Фогель оспаривали первое. Приговор суда гласил:

«1. Солдат Рунге приговаривается к 2 годам тюрьмы, двум неделям ареста, к лишению гражданских прав на 4 года и удалению из армии за нарушение обязанностей караульного в военное время, за покушение на убийство и нанесение опасных ран со злоупотреблением своим оружием в 2 случаях, за тяжкое нарушение в одном случае

обязанностей часового и пользование фальшивыми документами.

2. Лейтенант Липман приговаривается к 6 неделям строгого домашнего ареста за присвоение власти и попустительство.

3. Обер-лейтенант Фогель приговаривается к 2 годам 4 мес. тюрьмы и исключению со службы за тяжкое нарушение караульных правил в военное время в связи с попустительством по службе, за злоупотребление властью, за сокрытие трупа и заведомо ложное служебное донесение».

В мотивировке приговора военный суд (под председательством военного судьи Эрхарда) исходил из предположения, что Рунге действовал по собственному побуждению.

Уже за 5 дней до начала суда д-р Грибовский и капитан Пабст достали обер-лейтенанту Фогелю через берлинское полицейское управление и паспортное бюро министерства иностранных дел фальшивый паспорт на проезд в Голландию. 14 мая, в последний день суда, депутат Кон сообщил об этом военному министру Рейнгарту и директору департамента Раушеру. Несмотря на это 17 мая Фогель с помощью капитана Янсона был увезен из следственной тюрьмы и бежал в Голландию.

6 января 1920 года Рунге сделал запротоколированное признание, совершенно опровергающее мотивировку приговора. В этом признании говорится:

«Что касается дела Либкнехта, то я получил категорическое приказание от офицеров убить этого негодяя прикладом на месте, как только он выйдет. Я был новичком и офицеров по имени не знал, но потом увидел, что это были большею частью обвинявшиеся вместе со мною в суде. Что же касается Люксембург, то офицеры приходили ко мне и говорили: я приказываю вам, чтобы Люксембург не ушла живой из гостиницы. Заметьте себе это. Капитан-лейтенант фон-Пфлюгг-Гартунг записал мою фамилию и сказал: обер-лейтенант Фогель подведет ее прямо к вам, так что вам останется только ударить ее... (что я и сделал). Когда остальные вернулись, они хвастались: «Любкнехту мы всыпали. Притворились, что лопнула шина, и устроили так, будто был побег». То же самое рассказывал мне после в тюрьме обер-лейтенант фон-Ритген.

Следствие было одной комедией. Я неоднократно имел частный разговор с военным судьей Иорнсом и он мне говорил: «примите спокойно все дело на себя, будет всего 4 месяца, зато потом у вас всегда будет возможность обратиться к нам в случае нужды». Камеры наши всегда были открыты. Все обвиняемые разыгрывали из себя судей, а я играл роль обвиняемого и всегда говорили, что, если я не выучу как следует своих показаний, то мне подложат в постель ручную гранату, когда я буду ложиться спать.

Я часто разговаривал по телефону со штабом в гостинице «Эден». Я должен был сказать штабу перед побегом, с каким поездом я поеду во Фленсбург.

Гусар Отто Рунге».

Из этого следует, что в обоих случаях мы имеем дело с убийством, заранее хорошо обдуманным офицерами. Тем не менее против них ничего не было предпринято.

В новых показаниях Рунге дал еще более точные сообщения по делу обоих этих убийств. Он показал, что служащие в добровольческом корпусе Россбаха снабдили его фальшивыми документами и побудили к целому ряду ложных показаний перед судом. Лейтенант Крулль после него выстрелил в голову г-же Люксембург, когда она сидела в автомобиле.

Против Крулля было возбуждено обвинение в убийстве. Он сознался в соучастии, но потом взял свое сознание назад. Затем дело было прекращено за отсутствием улик, потом снова начато. В то время, когда он сидел в тюрьме, в редакцию «Красного Знамени» явился обер-лейтенант Зигфрид Брахт и предлагал часы и бумаги Розы Люксембург «за приличное вознаграждение». Он утверждал, что националисты предлагали ему за это 12.000 марок. 30 мая 1922 года Крулль и Брахт судились в 3 отд. окружного суда II берлинск. округа, первый за воров-

ство, второй за укрывательство. Крулль утверждал, что часы никому не принадлежали и ходили по рукам в гостинице «Эден».

Крулль произнес следующую речь: «Против нас нет ничего, в чем можно было бы нас упрекнуть. Каждый немец вздохнул с облегчением, когда оба те негодяя были отправлены на тот свет. За это отечество должно быть благодарно нам. Против таких людей, как Роза Люксембург и Либкнехт, надо действовать самосудом». Крулля присудили за двукратное воровство к 3 месяцам тюрьмы, Брахта за покушение на обман к 500 марок денежного штрафа. На этот приговор подали кассационную жалобу прокурор и защитник.

Расстрел в Тегельском лесу.

17 января 1919 г. газета «Вечер» сообщила, что 4 спартаковца, именно фон-Лаевский, Г. Меркс, Р. Иордан и Милькерт, арестованные во время беспорядков в Шпандау, пытались бежать в Тегельском лесу при конвоировании их в Тегель. Конвой стрелял в них и всех их убил. Арестованный одновременно с ними Георг Меркс сообщил, однако, в газету «Свобода» следующее: «8 арестованных были посажены на 2 грузовика; в каждом из них было человек 10 хорошо вооруженных солдат. Автомобиль, в котором был я, отъехал первым, второй автомобиль следовал сзади на расстоянии 15—20 метров. Во время пути

на заднем автомобиле внезапно раздались выстрелы. Конвойные потом рассказывали, что арестованные бежали. При действительной попытке к побегу автомобиль, несомненно, остановился бы. В сообщении газеты «Утренняя Почта» говорится, что «арестованные пытались перелезть через борт грузовика», почему и были застрелены на грузовике. На этом грузовике находились (в качестве конвоя) лейтенант Пипер, вице-фельдфебель Плате, гренадер Дальке, 2 гренадера из полка № 5, 2 солдата конвойной команды, некто г. Зассе и бывш. сапер Неезе. Зассе дал приказ стрелять, что и было исполнено обоими солдатами конвойной команды. Несмотря на эти вполне точные указания, напечатанные газетой «Свобода» 1 марта 1920 г. и переданные прокуратуре, следствие не было начато.

Убийство со стороны левых.

13 января 1919 г. в Гервесте была обезоружена полиция и взят штурмом склад оружия и комиссариат. До вступления корпуса Лихтшлага 15 февраля 1919 г. власть находилась в руках рабочих.

Вождь буржуазных партий в Гервесте, *Кольманн*, заведующий одним бюро, возбудил против себя в это время вражду рабочих. Говорят, что он вызвал правительственные войска. 10 февраля 1919 г. горнорабо-

чие Э. Альбрехт, коммунист, и К. Арнольд, социалист большинства, подкараулили его и застрелили.

Оба за убийство были приговорены к смертной казни и потом «помилованы» и отправлены на вечную каторгу.

Убийства в Рейнской провинции в 1919 г.

Горнорабочий Фульничек был послан в качестве делегата немецкой коммунистической партии вместе с делегатами других партий для переговоров с капитаном Лихтшлагом, командовавшим вступающими в город Боттроп войсками. По дороге назад он был задержан солдатами, подвергнут избиению, потом доставлен в тюрьму и там убит в камере выстрелом, произведенным сзади солдатом правительственных войск Хойером в присутствии другого солдата. Хойер судился за убийство в военном суде, но был оправдан на основании показания своего спутника, сказавшего, что он действовал в состоянии обороны.

Военная казна присуждена к уплате вознаграждения родным убитого.

М. Штейнике из Гельзенкирхена был арестован в ночь с 20 на 21 февраля 1919 г. без ордера на арест двумя полицейскими, двумя солдатами и одним штатским и затем был застрелен «за попытку к побегу» старшим полицейским Блюмбергом и еще другим поли-

цейским перед домом № 51 на улице Вильгельма. Штейнике был членом независимой соц.-дем. партии, против него не было никаких обвинений. Следствие было прекращено на том основании, что «Блюмберг пустил в ход оружие, чтобы воспрепятствовать побегу и, следовательно, действовал согласно данной ему общей инструкции».

Лихтенбергские „зверства“ и мартовские убийства.

В марте 1919 г. началась борьба между созданными во время революции республиканскими союзами, которые должны были быть распущены, и стоящими под начальством Рейнгардта правительственными войсками и добровольцами. К республиканским войскам примкнули некоторые рабочие.

В официальном сообщении 9 марта 1919 г. гвардейская кавалерийская стрелковая дивизия сообщила берлинской прессе: «Спартаковцы осуществляют свое намерение подготовиться в Лихтенберге *) к отчаянному сопротивлению. Ими взято штурмом полицейское управление и все обитатели здания, за исключением сына полицей-президента, перебиты зверским образом».

Точно также и советник министерства внутренних дел Дуайе сообщил газете „Berli-

*) Восточное рабочее предместье Берлина. *Прим. перев.*

ner Tageblatt“ 10 марта 1919 г. об убийстве 57 полицейских.

Согласно сообщения газеты „B. Z. am Mittag“ от 9 марта, 60 агентов тайной полиции и много других, взятых в плен было застрелено: «пленников, пытавшихся защищаться, держали четверо или пятеро спартаковцев, шестой же стрелял им из пистолета в лоб между глаз». При этом названная газета ссылалась «на сообщенное военным командованием показание 5 солдат, данное под присягой».

Это известие обошло всю немецкую прессу и самым резким образом настроило общественное мнение против спартаковцев. Изо дня в день газеты кишели изображениями кровавых сцен. Так, напр., «Фоссова Газета» и, естественно, правая пресса сообщили 10 марта, что убито 150 чел.

Все эти сообщения были вымышлены. Только 13 марта „B. Z“ сообщила, что полицейские чиновники в действительности были отпущены. В тот же день «Фоссова Газета» и «Вперед» сообщили со слов бургомистра Цитена, что «все сообщения о массовых расстрелах городовых и полицейских агентов при взятии полицейского управления в Лихтенберге оказались неверными». Наконец, по сообщению „B. Z“ от 14 марта и после выяснения погибших оказалось, что погибли только двое полицейских чиновников. Из них один был убит во время боя, относительно

же другого нельзя было установить, как он погиб.

Между тем, основываясь на убийстве полицейских в Лихтенберге, *Носке* в качестве главнокомандующего в Берлине и Бранденбургской марке объявил военное положение и издал следующий приказ:

«Жестокость и зверство борющихся против нас спартаковцев вынуждают меня издать следующий приказ: всякий, кто будет схвачен с оружием в руках в борьбе с правительственными войсками, должен быть тотчас расстрелян».

На-ряду с этим гвардейская кавалер. стрелковая дивизия издала собственный приказ, согласно которого должны быть расстреляны также и те, у кого в квартире найдется оружие. Доказательство участия в бою излишне. Приказ гласил:

«Основное положение: кто оказывает сопротивление с оружием в руках или будет замечен в вооруженном грабеже, немедленно должен быть поставлен к стенке.

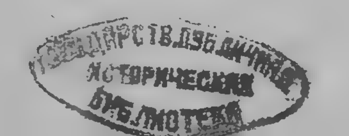
Далее, если из домов будут стрелять в войска, то все обитатели домов без различия того, будут ли они клясться в невинности или нет, должны быть выстроены на улице, а в квартирах должен быть произведен обыск в их отсутствии с целью обнаружить оружие; подозрительные личности, у которых оружие действительно будет найдено, должны быть расстреляны,

«Всякий житель или прохожий, у которого окажется оружие без надлежащего разрешения, должен быть арестован и доставлен в ближайшую тюрьму с кратким сообщением. Тот же, кто окажет вооруженное сопротивление, должен быть немедленно расстрелян".

«Политические Парламентские Известия» заявили 18 марта 1919 г., что «из компетентного органа уверяют, что подобного приказа издано не было. В действительности же офицер Марло в своем первом показании определенно ссылался на этот приказ и дословно прочитал его.

Оба приказа далеко выходят за рамки прусского закона об осадном положении 4 июня 1851 г. По этому закону судьбу обвиняемого решает военный суд, состоящий из 2 гражданских судей и 2 офицеров в чине капитана. В случае смертного приговора необходимо утверждение главнокомануюшего, кроме того дается срок в 24 часа между произнесением приговора и приведением его в исполнение. В этих же приказах вопросы жизни и смерти решаются по самовольному усмотрению отдельных лиц.

7 марта в $11^1/_4$ часа один солдат республиканского ополчения Адольф Рига, 42 лет, был обезоружен солдатом добровольческого корпуса Люттвица по приказанию офицера этого корпуса в то время, когда он возвращался с поста, несмотря на предъявленное

им удостоверение. Рига продолжал свой путь безоружным. У гостиницы «Эден» часовой не захотел пропустить его через цепь. Дело дошло до перебранки. Стоящий рядом с часовым офицер отдал приказ, согласно которого часовой, крикнув «прочь с улицы», убил его выстрелом сзади. (У меня находятся показания свидетелей Кауфмана и Розенберга. Оба свидетеля через два дня были арестованы и просидели по 3 недели за то, что они составили протокол о происшедшем). Ни против офицера, ни против солдата не было возбуждено следствия. Вдова убитого получила по суду пенсию.

Самосуды в Лертской тюрьме.

О событиях в Лертской тюрьме рассказывает один свидетель, арестованный за издание сатирического журнала. Он говорит: «8 марта вечером нас привели ко входу в тюрьму. Раздалась команда: «впустить сперва матроса *Петерса*». Мы же остальные должны были ждать перед стеклянною дверью, через которую мы только неясно могли разглядеть, что там происходит. Едва матрос вошел, как раздался крик: «Лупи его, бей до смерти, к стенке!» Тюрьма наполнилась страшным ревом, со всех концов выскакивали солдаты с винтовками и бросались на матроса. Последний вытащил спрятанный у него нож и изо всех сил отчаяния боролся с солдатами.

Постепенно сражающиеся отошли вглубь помещения, где нам ничего не было видно, мы только продолжали слышать удары прикладами, из чего можно было заключить, что матрос сопротивлялся до последней степени. По нашему убеждению его заколотили до смерти, потому что начальство, потирая руки, говорило, что из него сделали котлету».

«В 4 часа пополудни мы услышали такой же рев, как накануне вечером. Так же со всех концов тюрьмы бросились люди и слышно было лязганье винтовок, так что у нас составилось мнение, что самосуд нужно объяснять не состоянием возбуждения, а системой. К вечеру один товарищ по заключению узнал от дежурного унтер-офицера, что заколотили до смерти двух галичан».

Тогдашний губернатор Берлина Шёнфлин написал об этом следующее письмо (23 апр. 1919 г.) в редакцию газеты «Свобода»:

«Оба галичанина были после избиения застрелены. У них нашли спрятанным под пальто огнестрельное оружие и драгоценности, полученные ими, повидимому, путем грабежа. Один из галичан был русский пленный Абрам Мелихович. Он был убит с наступлением темноты. Нужно полагать, что убийство было совершено солдатами конвойной команды после того, как командующий ею офицер при доставлении обоих убитых обвинял их в том, что они имели у себя оружие и грабили. Непонятным остается

убийство обоих галичан за приписываемое им преступление. Нужно полагать, что как оружие, так и награбленные, повидимому, драгоценности были у них отобраны до доставлении их в тюрьму. На основании действовавшего тогда военного положения оба, если и должны были быть расстреляны, то немедленно, а не по доставлении в тюрьму и очевидно без приказа, значит совершенно самовольно».

Свидетели же этого происшествия рассказывают следующее: «9 марта нас, арестованных, собралось в ресторане Зоологического Сада человек 30. Об оружии у нас не могло быть и речи, так как все арестованные были перед этим обысканы. Поздно вечером около 10 чел. были посажены в автомобиль. Двое из арестованных, один—матрос морской дивизии, другой—русский, были сброшены добровольцами Люттвица с лестницы. Избивая прикладами, их потащили к автомобилю, бросили туда, как какой-то неодушевленный предмет, и уже на грузовике зверски продолжали избивать неописуемым образом. Когда они лежали окровавленные, им было приказано стоять на вытяжку. Когда оба они были почти бездыханными, автомобиль тронулся с места. Такого ужаса мы не испытывали во все время войны. Когда один из солдат хотел ножом прикончить их, этого не допустил начальник конвоя, молодой человек, присутствовавший перед

этим при нашем допросе судьей Иорнсом. Все же прочие избиения он, молча, допускал. Матрос рассказывал нам, что он арестован за то, что налетел с велосипедом на проволочное заграждение на улице. Русский — за то, что он сказал на улице, что Германия еще не созрела для большевизма.

Когда мы приехали к одиночной тюрьме, обоих их, хотя они лежали сзади, вытащили первыми. Значит, о них уже сообщили. Их потащили вперед в тюрьму. У нас сложилось такое впечатление, что нас, как свидетелей, хотели держать подальше. Солдаты, принадлежавшие к войскам Рейнгардта, более или менее пьяные, встретили их зверским воем. Мы видели, как арестованных выбросили на двор через боковой флигель тюрьмы. Один солдат вернулся оттуда назад со сломанной винтовкой и сказал: «теперь начинается вторая половина действия». Из конторы тюрьмы мы слышали выстрелы со двора».

Бывшие солдаты имперского ополчения, саперы, слесарь А. Арндт и студент А. Шнейдер судились по этому делу судом присяжных в I округе (председательствовал судья Вейгерт). Свидетели подтвердили, что оба били безоружных заключенных прикладами; другие показали, что они стреляли. Три трупа были выброшены сперва на мусорную кучу, а потом увезены на грузовике, которым правил Шнейдер, в Тиргартен и там брошены. Арндт и Шнейдер были пригово-

рены за покушение на убийство и нанесение тяжких ран к 1 году и 6 мес. каторги каждый.

Расстрел трех юношей.

10 марта к 16-летнему Курту Фридриху в квартиру его матери у Силезского вокзала пришли в гости двое его товарищей, Ганс Галуска 16 лет и Отто Вернер 18 лет. Все трое никогда не занимались политикой. Едва они собрались, как по доносу в квартиру явились 8 правительственных солдат. Они обыскали квартиру, причем решительно ничего найдено не было. После этого они объявили трех юношей арестованными и увели их. Последние слова, сказанные Куртом Фридрихом своей матери были: «Мама, бумаги мои в порядке и по совести я ничего за собой не знаю».

Мать отправилась в школу на Андреевской улице, где расположились войска Рейнгардта и там видела, как всех троих вели куда-то, причем они страшно плакали. Командующий офицер не дал матери говорить. 12 марта, после 2 дней ужасного ожидания, г-жа Фридрих получила от знакомых сообщение, что Ганс Галуска лежит в морге. Она нашла там трупы всех 3 юношей. Их доставили туда, как «неизвестных». У Курта Фридриха были две раны: в бедро и в голову. Новые сапоги у него были сняты. У Ганса

Галуски были также две огнестрельных раны, одна из них в лоб, и много следов от ударов. С него были сняты: шляпа, воротничек, галстух, пальто, пиджак и ботинки. У Отто Вернера лицо было почти неузнаваемо, одна рука совершенно разбита выстрелами,—надо думать, что он закрывал ею лицо. О деле было сообщено прокуратуре. Тем не менее следствия не было начато ни против участвовавших в этом солдат, ни против ответственных офицеров.

Вместо того от демобилизационного управления пришло к поверенному г-жи Фридрих письмо, в котором говорилось, что «подробное расследование показало, что Фридрих был арестован по подозрению в участии в волнениях спартаковцев и убит при попытке к побегу». Свидетельских показаний в подтверждение этого приведено не было.

Рукоятки ручных гранат, как причина расстрела.

12 марта был произведен обыск в квартире столяра Р. Борхарда по подозрению, что он стрелял в войска. Нашли только пустой русский патрон, присланный ему одним родственником на память в 1914 г. с фронта. Он был арестован и отведен в полицейское управление. Во вторник, 18 марта, нашли его труп выставленным в морге. У него была огнестрельная рана в голову. С убитого сняли новые ботинки и чулки.

Борхард никогда не принимал участия в политической деятельности, был противником восстания и стоял на стороне правительственных войск.

При обыске 12 марта у рабочего Деншеля на Андреевской ул., 62, солдаты добровольческого корпуса Люттвица нашли 2 рукоятки от ручных гранат и старый штык. Рукоятки были взяты с фабрики, где работал 19-летний сын его Альфред. Он принес их домой, чтобы сделать себе из них письменные принадлежности. 12 марта отец и сын были арестованы ночью в кроватях без всякого повода, отведены в ремесленную школу на Андреевской улице и там расстреляны. Их допрашивал там лейтенант Зигфрид Винтер. Он же отдал приказание увезти трупы. Пожарные, отвозившие трупы, ограбили их, взяв все ценные вещи, бумаги, ботинки. Винтер эмигрировал в Аргентину. 11 декабря 1920 г. Прокурор 1-го берлинского окружного суда прекратил начатое по этому делу следствие.

29 матросов.

Официальное правительственное сообщение от 12 марта 1919 г. гласило так: „Вчера на Французской улице, 32, было занято правительственными войсками казначейство народной морской дивизии. Бывшие участники этой, ныне распущенной дивизии,

желавшие получить оттуда деньги, были задержаны. У некоторых из них было при себе оружие. Вследствие этого при аресте было оказано сопротивление. Офицеры с трудом удерживали правительственных солдат от враждебных действий, так как озлобление вследствие событий последних дней было, естественно, велико *). Были конфискованы патроны, в том числе и с разрывными пулями. Из 250 арестованных 24 должны были быть расстреляны на месте. Остальные под сильным конвоем отведены в Моабитскую одиночную тюрьму и там находятся в ожидании чрезвычайного военного суда".

Действительно же дело (по судебным протоколам) происходило так: 11 марта 1919 г. было вывешено объявление об уплате жалованья народной морской дивизии. Генерал Люттвиц отдал лейтенанту Марло приказ арестовать там по возможности больше матросов. 250 матросов, бывшие вполне благонадежными людьми—часть их во время беспорядков охраняла имперский банк, приходили по одиночке за своим жалованьем, почти все без оружия. Их по одиночке хватали и арестовывали.

Марло, набрав много арестованных, почувствовал себя в опасности и телефониро-

---

*) Дело происходило во время восстания спартаковцев.

Примечание переводчика.

вал полковнику Рейнгардту о подкреплении. Рейнгардт сказал лейтенанту Шрётеру: „подите к Марло и скажите ему, что он должен действовать. Помните о Лихтенберге, где расстреляно 60 полицейских". Шрётер сообщил Марло, чтобы тот действовал энергичнее. Марло тотчас же снова телефонировал о подкреплении. В ответ на это обер-лейтенант Кессель послал к Марло лейтенанта Вемейера: «Скажите вы обер-лейтенанту Марло, что полковник Рейнгардт страшно злится на него за его слишком нерешительное обращение с 300 матросами. Он должен больше употреблять оружие, хотя бы пришлось даже расстрелять 150 чел. Всех, кого он может расстрелять, он должен расстрелять. Подкрепления же придется ждать еще 1—1½ часа. Полковник Рейнгардт не понимает, что он будет делать с 300 чел.» Марло повиновался. Он рассортировал арестованных, поставив отдельно тех, кто казался более интеллигентным или у кого был хороший костюм или драгоценности. Затем он приказал прапорщику Пентеру расстрелять из пулемета 29 чел. «Действие пулемета было ужасно. У некоторых были совершенно снесены черепа. Кругом был разбрызган мозг, убитые и раненые падали друг на друга». (Протоколы суда, 4 декабря 1919 г.). Фамилии убитых опубликованы в газетах. Остальные матросы были доставлены в тюрьму и вскоре отпущены, как невиновные.

Марло представил обер-лейтенанту фон-Кесселю правдивый рапорт. По совету Кесселя в середине мая он подменил его другим, согласно которого он отдал приказ о расстреле по своему собственному решению на основании приказа Носке. В конце концов, в присутствии полковника Рейнгардта был составлен третий рапорт. Несколько месяцев Марло не беспокоили по этому делу. Когда, наконец, был дан 2 июня ордер на его арест, Кессель посоветовал ему скрыться и достал ему для этой цели фальшивые документы, переданные ему лейтенантом Вемейером. Лейтенант Гофман достал ему деньги. 9 декабря Марло судился и был оправдан судом по обвинению в убийстве и злоупотреблении властью, но приговорен за самовольное оставление службы без разрешения к 3 месяцам крепости и за пользование фальшивыми документами—к штрафу в 30 марок. В мотивировке приговора было установлено, что «расстрелы объективно были незаконными, что матросы, имевшие при себе оружие, имели разрешение на это, что среди них не было грабителей, что положение Марло не было столь угрожающим, чтобы он был вправе употребить оружие, но что он, однако, думал, что ему дано такое служебное приказание» (председателем суда был военный судья Вельт).

Комиссия по определению возмещения убытков пострадавшим во время беспоряд-

ков, отклонила требование пенсии со стороны родственников убитых, так как расстрел был произведен государственной властью в порядке исполнения приговора. Однако, большинству родственников казною были выплачены большие суммы в порядке мировой сделки после предъявления ими гражданского иска.

Кесселя произвели в капитаны, Гофмана в обер-лейтенанты при полиции. Против Рейнгардта и Кесселя не было возбуждено судебного преследования за приказы, отданные ими Марло; против Кесселя было возбуждено судебное дело только за ложное показание под присягой во время этого процесса. В этом обвинении 23 марта он был судом оправдан. И, наконец, Вемейер и Гофман были оправданы судом по обвинению в способствовании дезертирству.

Вице-вахмистр Маркус.

Вице-вахмистр Маркус из добровольческого корпуса Люттвица получил 12 марта приказ преградить улицу Ланге. Он явился на эту улицу с 25 солдатами и громко крикнул: «Долой с улицы, закрыть окна!» По-видимому, на это приказание не было обращено должного внимания. Между прочим, он увидел, что из одного окна на улицу смотрит какая-то женщина. Как он говорит, он выстрелил в расположенное рядом сле-

пое окно, но попал в открытое. Этим выстрелом была убита 12-летняя ученица Словек. Другой девочке, Эрвине Дале, пуля попала в сердце, когда она выходила из мясной лавки. 73-летний печник К. Беккер был убит выстрелом в голову. Таким же образом было убито еще три человека, не имевших ни малейшего отношения к тогдашним беспорядкам.

Первоначально против Маркуса возбудили судебное дело за убийство 6 человек. Однако, дело было прекращено. Вместо этого его предали суду присяжных по обвинению в намеренном, но необдуманном убийстве двух человек. При судебном разбирательстве 21 и 22 января 1921 г. Маркус ссылался на приказы своего начальства, и допрошенные в качестве свидетелей офицеры в этом смысле сняли с него часть вины. По обвинению в убийстве Маркус был оправдан, но приговорен к 5-месячному заключению за несколько хищений. Против же офицеров, отдававших такие приказания, совсем не было возбуждено судебного преследования.

Один железнодорожный рабочий, А. Музик, после безрезультатного обыска в его квартире 12 марта 1919 г., был арестован солдатами добровольческого корпуса Люттвица и послан под конвоем в Андреевскую школу. Обер-лейтенант Векке отправил его туда вместе с 4 другими арестованными. На мосту Шиллинга все пятеро были подстре-

лены и брошены в воду. (Показание конвойных: «пятеро уже поплыли»). Тяжело раненому Музику удалось спастись вплавь, его нашли и снова повели в Андреевскую школу. Вице-вахмистр Маркус отвел его в отдельную комнату и, возвратясь, рассказывал: «Там наверху я поставил его к стене и сказал: идите же вперед. Он ответил, что тут нет двери. В этот момент я выстрелил ему в голову». Убитого ограбили и сдали, как «труп неизвестного», в морг.

Расстрел из-за одной спички.

Рабочий Пионтек был арестован 12 марта 1919 г. за то, что, по его словам, отказал одолжить одному солдату огня, и потом расстрелян ефрейтором Риттером из пехотного полка № 50 и унтер-офицером Вендлером. Вендлер утверждал, что он только докончил его из жалости. 31 января 1922 г. суд присяжных III округа (председатель Мельбарг, прокурор—Вейерманн) приговорил Риттера за покушение на убийство при смягчающих вину обстоятельствах к 3 годам тюрьмы, а Вендлера оправдал.

12 марта 1919 г. портной Отто Гаушильд был расстрелян у Восточного вокзала за то, что в его квартире была винтовка. У него было на нее разрешение республиканского солдатского ополчения от 10 марта.

13 марта Павел Бидерман и Ганс Готшальк были арестованы по дороге к месту работы на улице Фридриха-Карла и убиты часовым через окно.

Жестяник Бертольд Петерс, родившийся 28 марта 1888 г., служивший матросом с начала войны, был арестован на своей квартире 13 марта утром в 9½ ч. кучкой солдат под начальством одного офицера. Он был отведен к капитану Поллю на пивоварню Патценхофера, оттуда его повели на другую пивоварню и около 1 ч. дня расстреляли. Убитого ограбили: ограблены были часы, цепь, бумажник, кошелек и ботинки. Соседи донесли на него, что он—спартаковец. Суда не было. Семья его предъявила к казне гражданский иск и получила по суду ежемесячную пенсию в 500 марок.

Два расстрела, произведенные лейтенантом Баумом.

При ночном обходе отряда фон-Гроте один, оставшийся неизвестным, человек подошел к лейтенанту Бауму, показал удостоверение военного министра и сказал: «Г-н лейтенант, жив ли еще торговец сигарами Мюллер? Если вы схватите его, то расстреляйте: я дважды видел его на баррикадах».

После этого, 12 марта, Баум взял с собой 10 чел. и отправился в сигарную лавку на Мемельской ул., д. № 19. Иоганн Мюл-

лер как раз брился и вышел из задней комнаты с намыленным лицом. Баум произвел в квартире обыск. Не нашли ни оружия, ни патронов.

Лейтенант сказал Мюллеру: «Вы ведете агитацию в пользу независимой социал-демократической партии. У вас есть 8 карт с подозрительными пометками. Я слышал об этом от других. Вы стреляли в нас. Проститесь с вашей женой. Я обязан вас расстрелять». Жена и дочь громко вскрикнули. В гробовом молчании Мюллера лейтенант усмотрел сознание вины. Мюллер прочел молитву. Его поставили к стене, и 6 человек выстрелили в него. Мюллер упал. Подошел санитар, чтобы удостовериться в смерти и убрать труп. Но Мюллер еще дышал. По приказу Баума, принадлежавший к патрулю русский ученик Александр Кёлер докончил его выстрелом.

При разборе этого дела в суде Баум был оправдан на том основании, что он действовал по приказу Носке от 9-го марта, который гласит, что всякий, застигнутый с оружием в руках, должен быть расстрелян.

13 марта 1919 г. при обыске в квартире содержателя ресторана В. Бильского был найден револьвер, оставленный, как это было тотчас же установлено, одним посетителем в залог. Бильский был арестован и расстрелен «по военным законам». Свидетели, особенно жена Бильского, признали в лейте-

нанте Бауме офицера, распоряжавшегося в этом деле. Акты судебного следствия исчезли, неизвестно куда, из гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии. 27 марта 1920 г. военная казна была присуждена к уплате вознаграждения семье убитого. В мотивировке приговора было определенно признано, что «расстрел был противозаконен». Судебное же дело против Баума было прекращено 12 апреля 1920 г.

Два расстрела, произведенные лейтенантом Чекалла.

По словам газеты „Berl. Tagebl.“, 15 марта на улице Holzmark, во дворе дома № 61 был расстрелян 60-летний старик Абрамсон за то, что при обыске на квартире он не заявил об оружии, которое у него было. Дряхлый старик не сопротивлялся. Офицер, лейтенант Чекалла из добровольческого корпуса Люттвица, 1-го эскадрона, сказал, что он уполномочен расстреливать всякого, скрывающего оружие.

Один присяжный поверенный опрашивал жильцов дома № 61 для установления происшедшего и был арестован при этом за то, что он «возбуждает народ».

Тот же самый лейтенант Чекалла производил 13 марта обыск в квартире жестяника Вальдмана. Вальдман был человеком, пользовавшимся уважением, политически

принадлежал к националистам. С фронта он привез французскую винтовку, негодную к употреблению.

Ему было разрешено держать ее и выдано письменное удостоверение на это. К французской винтовке у него было и несколько французских патронов. Кроме того, уже несколько лет у него был браунинг, который он приобрел себе, как любитель. Когда лейтенант спросил Вальдмана, есть ли у него браунинг, тот тотчас же достал его из печи. После этого лейтенант арестовал его и отправил в Александровскую казарму. Когда присутствовавшая при аресте невеста Вальдмана заплакала, последний сказал: «Не плачь же, меня наверное отпустят, ведь я же ничего не сделал». В Александровской казарме Вальдман по приказу лейтенанта был расстрелян в конюшне. С убитого солдаты сняли сапоги.

Чекалла утверждает, что действовал по прямому приказанию своего начальника фон-Эртцена. Судебное следствие против обоих ведется при берлинском окружном суде I округа.

Иогишес и Дорренбах.

«10 марта по приказу Носке солдатами гвард. кавал. дивизии был арестован редактор «Красного Знамени» Лев Иогишес. Одному солдату было поручено отвести его к

следователю. В здании окружного суда Иогишес напал на солдата и был последним застрелен на месте. Подобный же случай произошел в том же здании за несколько дней перед этим». (Сообщение «Фоссовой Газеты». 11 марта).

Дорренбах, прежний офицер, перешел на сторону революции и стал вождем народной морской дивизии. Во время спартаковских волнений был дан приказ об его аресте. Он был арестован в Эйзенахе 12 мая 1919 г. и допрошен прокурором 17 мая. При конвоировании его обратно в тюрьму он будто бы пытался бежать и был застрелен конвойным. Тяжело раненого его привезли в госпиталь, где он и умер. Перед смертью он вполне определенно заявил своему защитнику, что он не думал бежать. Убил его тот же вахмистр Тамшик, который убил и Иогишеса. Впоследствии Тамшика произвели в полицейские офицеры в Шарлоттенбурге. Потом он перешел на полицейскую службу в Восточную Пруссию.

Два убийства при попытке к побегу.

13 марта 1919 г. слесарь Филльбрандт и рабочий Жилинский были арестованы на своей квартире после безрезультатного обыска без всякого ордера четырьмя офицерами и юнкерами. Их отвели в штаб 1-го батальона войск Рейнгардта и после краткого допроса

расстреляли на военном плацу в Шёнгаусской аллее. Убитые были ограблены и оставлены на месте. Когда жена Жилинского и дочь Филльбрандта справились в штабе, им прочитали протокол, что оба были убиты при попытке к побегу. Но видевшие случайно расстрел свидетели установили, что арестованные спокойно шли рядом с солдатами и, когда солдаты скомандовали «стой», просили пощадить им жизнь. Суд признал, что солдаты действовали без приказания, потому что не было составлено никакого протокола. 14 февраля 1921 г. суд приговорил казну к выплате пенсии вдове Филльбрандта, так как расстрел был незаконен. Наказания виновных солдат и розыска ответственного офицера произведено не было.

■ ■ ■

От убийства Эйснера до падения Баварской Советской Республики.

Курт Эйснер.

Курт Эйснер был с 1 ноября вождем Мюнхенской революции и с тех пор министром-президентом. 21 февраля он отправился в ландтаг, чтобы сложить свои полномочия вследствие горячих нападок на него. По пути он был убит двумя выстрелами в голову лейтенантом графом Арко-Вамой. Арко был тут же ранен одним из сопровождавших Эйснера людей, однако, потом поправился. 20 января 1920 г. Арко был приговорен к смертной казни. «Когда осужденный после прочтения приговора обратился к единомышленникам своим с просьбой воздерживаться от необдуманных поступков и работать над национальным возрождением, в ответ из публики понеслись выражения одобрения; апплодисменты и крики «браво»! продолжались несколько минут... Собрав-

шаяся на улице толпа приветствовала осужденного криками „hoch!“, снимая шляпы, и махала ему платками» *). Арко был помилован с заменой казни пожизненным заключением в крепости. В 1922 г. заключение было смягчено тем, что ему позволили работать ежедневно целыми днями в качестве практиканта в одном имении, расположенном близ Ландсбера.

Майор фон-Гарейс и депутат Озель.

Эйснера очень любили рабочие. Раздраженные его убийством мясник А. Линдер и пекарь Г. Фриш проникли в ландтаг. Линдер сделал несколько выстрелов в министра Ауэра, бывшего политическим противником Эйснера, так как Линдер думал, что Ауэр имеет отношение к убийству Эйснера. Одновременно с трибун для публики раздался выстрел, убивший депутата Озеля. Когда майор фон-Гарейс направился против Линдера, Линдер выстрелил и в него и убил его. С помощью Меркерта и Шлунда Линдер скрылся заграницу. Но Австрия его выдала под условием, что он не будет приговорен к смертной казни, так как там смертная казнь отменена. Суд не поверил Линдеру в том, что он убил фон-Гарейса, защищаясь от него.

---

*) Цитата из консервативной газеты „Deutshe Tages Zeitung“.

За покушение на убийство и убийство при отягчающих вину обстоятельствах Линдер был приговорен 15 декабря 1919 г. к 14 годам каторжных работ. Фриш—за покушение на убийство к 3½ годам, Меркерт и Шлунд за содействие побегу заграницу к 1½ и 2 мес. тюремного заключения.

Расстрелы в Луитпольдской гимназии.

После убийства Эйснера власть перешла к Центральному Совету рабочих депутатов. Ландтаг и образованное им право-социалистическое министерство Гофмана бежали в Бамберг. Центральный Совет провозгласил Советскую Республику. Вождями ее были независимые и правые социалисты. Приверженцам правительства Гофмана удалось организовать восстание 13 апреля и арестовать часть вождей. Однако, восстание не удалось. Фабричные комитеты захватили власть и провозгласили Вторую Коммунистическую Советскую Республику. Правительство Гофмана стало собирать против нее войска. При продвижении войск к Мюнхену были расстреляны: 20 красноармейцев, застигнутые безоружными во время обеда, 3 санитара, занятые перевязкой раненых и один 68-летний старик.

Луитпольдская гимназия служила казармой для красной армии. Туда были доставлены арестованные члены «германского

ордена», называемого иначе о-вом Фулы, так как у них нашли подложные штемпеля и подписи главнокомандующего Эгльхофера и исполнительного комитета. На следующий день туда же были доставлены арестованными 1 офицер, 2 гусара, еще двое арестованных и заложники. Проф. Бергер был арестован за то, что сорвал плакат советского правительства.

Когда стали поступать известия о расстреле красных солдат, в лагере красных началось большое возбуждение. Пехотный полк потребовал от главнокомандующего Эгльхофера, чтобы он, с своей стороны, также расстреливал арестованных. 30 апреля комендант Луитпольдской гимназии будто бы получил такой приказ от Эгльхофера. Однако, сам Эгльхофер в тот же вечер это энергично оспаривал. Первыми были расстреляны 2 гусара, затем последовали другие расстрелы. Проф. Бергер по недоразумению присоединился к одной группе арестованных, которую уводили, и был расстрелян. Командовавший красными солдатами Зейдль дрожал всем телом от возбуждения и совершенно потерял власть над своими солдатами. Он не был в силах сдерживать их ярости. Арестованных уводили по одиночке между 4 и 5½ час. пополудни, ставили к стене и к мусорной куче и убивали залпом из 8—10 ружей по команде: «целься, пли!» Так было расстреляно 10 человек, однако, среди них не

было заложников, как это явствует из имеющейся у меня копии судебного приговора.

Виновный в расстреле Гауссман в тот же вечер покончил самоубийством. Эгльхофер после ареста был убит без суда. 6 красноармейцев, участвовавших в расстреле, были приговорены к смертной казни, а 7 к каторжным работам на 15 лет каждый. Смертный приговор на другой же день был приведен в исполнение. Потом последовал второй процесс по тому же делу и снова один был приговорен за участие в расстреле к смертной казни, а трое к 15-летней каторге за то, что они «поощряли убийство, заявляя, что и сами готовы расстреливать».

Другие убийства во время Баварской Советской Республики.

Во время Советской республики комендантом города Мюнхена был Вейнбергер. Его обвиняли в том, что он выдал пропуски и оружие буржуазии, в частности «Обществу Фулы». Он был смещен и заключен при полицейском управлении. Однажды ночью его увезли в автомобиле. Автомобиль был остановлен каким-то неизвестным человеком. Вейнбергер был расстрелян. Тело его нашли только в мае месяце в Английском саду. Случай этот остался совершенно невыясненным.

В Мисбахе во время Советской республики заседал революционный трибунал, организованный против грабителей и воров. Председателем был Кэс, членами по выбору Исполнительного Комитета рабочие Мюльбауер и Фогль, представителем обвинения комендант города Радль. Так как Кэс чувствовал себя в судебных делах несведущим, он выпросил себе помощника в лице местного судьи Доллакера, также принимавшего участие в заседаниях трибунала. Секретарем был секретарь суда Брукмейер.

В ночь с 24 на 25 апреля прибыл красногвардеец Лахер, служивший ранее в красной армии в качестве заместителя коменданта города Мисбаха. Он привез с собой в отдельном поезде солдат, пулеметы и бомбы, якобы для того, чтобы по поручению главнокомандующего Эгльхофера сменить в Мисбахе красные войска за их эксцессы и вступить в должность коменданта города. Предприятие его не удалось, и он был арестован.

Прокурист Граф из Цигельбардена, состоявший при главнокомандующем Мюнхенского советского правительства в качестве начальника контр-разведки, был в это время в Мисбахе и в заседаниях Исполнительного Комитета после неудачного предприятия Лахера требовал его расстрела, а по возвращении в Мюнхен в этом смысле ответил на посланный ему запрос. Граф во время войны был засыпан землей от взорвавшегося сна-

ряда, находился потом в нервной санатории и был морфинистом.

27 апреля 1919 г. Лахер под давлением разъяренных красногвардейцев был осужден на смерть. Приговор был приведен в исполнение.

13 января 1920 г. в Мюнхенском окружном суде начался процесс Графа и его товарищей. Против Графа приговор гласил: за содействие государственной измене — к 12 годам каторги и 10 годам лишения прав, Кэс, Мюльбауер и Фогель за содействие в убийстве в связи с соучастием в государственной измене—к 6, 3½ и 4 годам каторжных работ. Доллакер и Брукмейер утверждали, что действовали по принуждению красногвардейцев и потому были освобождены от суда. 8 членов Исполнительного Комитета еще раньше были приговорены к заключению в крепости от 1 года 3 мес. до 2 лет.

Комендант города и представитель обвинения Радль после падения советской республики был расстрелян по законам военного времени.

Полицейскому дознанию удалось открыть имена 9 красногвардейцев, участвовавших в расстреле. Из них двое к тому времени уже умерли и двоих не удалось найти. Остальные пять судились 22 февраля 1922 г. На суде они утверждали, что участвовали в расстреле по приказанию своих начальников и были убеждены в правомерности приговора. Это

не невероятно. Ибо в то время в южной Баварии ничего не знали о существовании правительства Гофмана и считали советское правительство единственно существующей государственной властью. Тем не менее прокурор требовал для них смертной казни. Трое из обвиняемых были приговорены за содействие убийству к 3 годам тюрьмы, один — к 1½ годам, пятый был оправдан.

12 убитых только и были жертвою советской республики. Тогда как вступление в Мюнхен правительственных войск стоило жизни сотням невинных людей.

Взятие Мюнхена.

1 мая войска правительства Гофмана вступили в Мюнхен. В официальном сообщении правительство пишет:

«Теперь мы имеем результат полицейского дознания о числе жертв в дни боев в Мюнхене от 30 апреля до 8 мая. Нужна была большая работа, чтобы установить число их. Было приказано сообщать о всех похоронах. На основании этого уголовная полиция вела дальнейшее дознание при помощи родственников. Хотя и при таком способе нельзя было ручаться за полную правильность, но другого пути не было.

Число жертв по такому подсчету составляет 557 человек. Из них 38 пало в бою со стороны правительственных войск, 93—из

красной армии,—7 русских и 7 из гражданского населения. По военным законам расстреляны 42 красноармейца и 144 лица гражданского населения. В 42 случаях не удалось установить ни имени убитого, ни причину, почему они были убиты. Предполагается, что среди этих 42 неизвестных 18 было русских.

Убито по несчастной случайности при боях 184 человека из лиц гражданского состояния.

Значит, по официальным данным на 38 убитых из правительственных войск приходится 107 убитых красной армии, 186 расстрелянных и 184 убитых «по несчастной случайности» сторонников правительства. Эти цифры относятся только к городу Мюнхену; сюда не включены убитые правительственными войсками в окрестностях Мюнхена. Далее не причислены, конечно, пропавшие без вести. По социалистическим источникам число убитых—около тысячи, что по сообщению участвовавших во взятии города солдат вполне вероятно.

184 человека, погибших от «несчастной случайности» можно считать жертвами политического террора. Это вытекает и из приведенного выше официального сообщения. Ибо в 21 случае техника несчастной случайности устанавливается вполне точно. Именно 6 мая были убиты 21 католических подмастерья (см. ниже). Кроме того, я могу по-

именно перечислить 140 убитых в майские дни в Мюнхене. Если не делать предположения, что правительственное сообщение совершенно замалчивает эти 140 случаев или вопреки фактам зачисляет их в другие категории, то нельзя не придти к выводу, что 184 чел., погибших от «несчастной случайности» в действительности были расстреляны. Вот несколько случаев.

Густав Ландауэр.

Следующий случай показывает хорошо, что такое «несчастная случайность».

«2 мая, сообщается в мюнхенской «Новой Газете», стоял я на посту перед воротами тюрьмы. Около $1^1/_4$ ч. ночи солдаты привели Густава Ландауэра. На дворе с ними повстречался майор в партикулярном платье, ударивший Ландауэра дубиной (это был в действительности ротмистр помещик фон-Гагерн). От этого удара и ударов солдатскими прикладами Ландауэр упал. Он, однако, поднялся и хотел говорить. Вице-вахмистр крикнул: «пошел прочь!» При смехе и одобрении конвойных вице-вахмистр дважды выстрелил в него. Одна из пуль попала Ландауэру в голову. Ландауэр все-таки еще дышал. Крикнув—«отойдите, мы ему еще одну всадим», вице-вахмистр выстрелил ему в спину, так что сердце было вырвано выстрелом и его подбросило с земли. Вице-вахмистр

вскочил на него и топтал его ногами. Потом с убитого все сняли, а труп его валялся 2 дня в прачешной». За эту заметку «Новая Газета» была подвергнута предварительной цензуре.

6 июля штаб корпуса Овена опубликовал следующее сообщение: «Ландауэр был избит одним бывшим офицером, когда он пытался что-то сказать солдатам. По показанию всех свидетелей, кроме одного, офицер бил его кнутом, а не дубиной. Никто из допрошенных свидетелей не говорил, что в Ландауэра стреляли при смехе и одобрении конвойных... Неверно, что вице-фельдфебель трижды выстрелил в Ландауэра. Доказано, наоборот, что в него стреляли два пехотных солдата из винтовок и один выстрел был сделан из пистолета человеком, которого свидетели называли то кавалеристом, то сержантом, то вице-вахмистром, то прапорщиком. Никто из свидетелей не показывал, что с тела Ландауэра все было снято. Установлено только, что были взяты часы. Присвоивший себе его часы уже разыскан». Согласно этого донесения, Ландауэр не делал ни попытки к побегу, ни чего-либо другого, что могло бы провоцировать стрельбу.

Мюнхенский гласный Вейгель сообщил мне следующие подробности об опознании трупа Ландауэра: «На трупе не было ни пальто, ни сюртука, ни брюк, ни ботинок. По протоколу вскрытия ему были нанесены

3 огнестрельных раны, каждая из которых была смертельной. По заключению судебного врача Шёпфлина и проф. Oберндорфера выстрел в грудь был сделан не из винтовки, а из револьвера. Однако, по просьбе военного следователя Кристофа это не было записано в протокол».

Барон фон-Гагерн был приговорен гражданским судом к штрафу в 300 марок. Судебное преследование против остальных было прекращено.

«В военном суде во Фрейбурге слушалось дело унтер-офицера Дигеле по обвинению в убийстве Ландауэра. После того как один необнаруженный следствием солдат выстрелил Ландауэру в голову, Дигеле выстрелил в него из пистолета. Обвиняемый сослался на то, что он только исполнил приказ начальника. Суд оправдал его по обвинению в убийстве, так как он был убежден, что действовал, подчиняясь приказанию, и приговорил его к 5 мес. тюрьмы с зачетом предварительного заключения за присвоение часов убитого» (газетн. отчет).

Мне не удалось, несмотря на содействие властей, установить, является ли Гагерн одним и тем же лицом с бароном фон-Гагерн-Ринхольт, убившим 25 мая 1915 г. бельгийского барона д'Удекем д'Ако. Этот барон фон-Гагерн был приговорен к 15-летней каторге, но освобожден от наказания по постановлению председателя имперского военного суда 16 января 1919 г.

Убитый—сам виновен.

2 мая 1919 г. в 5 час. пополудни два солдата из добровольческого корпуса Эппа явились в квартиру профессора математики и физики Горна и, арестовав его, отвели в тюрьму Штадельгейм. Там комендант тюрьмы, лейтенант Гейсслер, допросив его, отпустил, дав ему пропуск, заканчивавшийся такими словами: «Профессор Карл Горн арестован по ошибке».

В 8 час. вечера Горн вернулся домой. На следующее утро в 8 час. опять пришли двое вооруженных солдат из того же корпуса и, арестовав, отвели его в свой штаб. Там во дворе они вызвали дежурного лейтенанта Дингльрейтера, который, не спрашивая арестованного, распорядился отвести в тюрьму Штадельгейм и назначил трех конвойных. Горн тщетно старался обратить внимание офицера на свой пропуск.

По пути Горн был убит одним из этих конвойных выстрелом сзади в голову. Это было в $8^3/_4$ ч. утра на Штадельгеймской улице, на лужайке, около дома № 33. Конвойные сняли с убитого ботинки, часы с цепочкой, обобрали карманы и пытались снять обручальное кольцо. Труп оставили лежать на улице.

Убийца, вероятно, унтер-офицер Грамметсбергер вернулся назад в город, двое дру-

гих солдат пошли в Штадельгейм. В $2^1/_2$ ч. пополудни труп убитого был найден на месте преступления его женой и 9-летним сыном. Судебное дело против Грамметсбергера было прекращено, против Дингльрейтера и не возбуждалось.

Вдова подала жалобу в суд, отвергнувший ее в двух инстанциях, так как имеется указание на собственную вину убитого. Последний де «принадлежал к числу тех людей, которые возбуждают население и тем самым провоцируют эксцессы солдат». Дело перешло в имперский суд.

Женщина в роли мишени.

Георг Клинг и его дочь Мария вступили добровольцами в санитарный отряд красной армии. Им дали повязки с красным крестом. 3 мая Клинг был арестован и отведен в полицейский участок, так как его вторая дочь Анна будто бы подносила патроны красноармейцам во время боя.

Мария добровольно пошла вместе с ним. Полицейский Кейтлер донес в участок, что будто бы Мария подавала сигналы красноармейцам своей повязкой красного креста. Ее предали военнополевому суду, который, на основании показаний солдат правительственной армии, оправдал ее. 4 мая ее должны были выпустить из тюрьмы. Когда отец утром пришел за нею, оказалось, что ее перевели в Шта-

дельгейм. Свидетели показали, что там в нее стреляли, как в мишень: сперва в голеностопный сустав, потом в голень, в бедро и, наконец, в голову. Убийцы не были преданы суду; при уничтожении военных судов дело «затерялось».

12 перлахских рабочих.

4 мая добровольческий отряд Лютцова вступил в Перлах. Офицеры, посовещавшись с местным протестантским пастором Геллем, реквизировали для себя комнату в почтовой гостинице и ночью начали арестовывать рабочих. Всего арестовали 12 человек. Когда хозяин гостиницы хотел дать арестованным кофе, офицеры сказали: «нет, им больше ничего не надо». У арестованных отобрали бумажники, кошельки и ножи, посадили в 5 ч. утра на грузовик и отвезли в пивной погреб придворной пивоварни. Первого из них расстреляли без допроса. Из остальных некоторых допрашивал офицер. Никто из них не был в красной армии, ни у одного не нашли оружия. Свидетели показывали потом, что арестованные имели совершенно растерянный и подавленный вид и умоляли пощадить их. Между 11 и 1 часом дня их стали расстреливать во дворе по 2 и по 3 человека, с промежутками во времени. Всего таким образом было расстреляно 12 человек без суда, без всякого права. После расстрела

их обобрали. Никто из участвовавших в расстреле солдат и ни один из командовавших офицеров не был предан за это суду. Осталось 12 вдов и 35 несовершеннолетних сирот. Поданная семьями убитых просьба о назначени им пенсии на основании закона о помощи пострадавшим во время беспорядков была отвергнута судом на том основании, что расстрел не есть насилие.

21 католических подмастерья.

6 мая состоялось собрание членов католического «союза св. Иосифа» в помещении союза; в порядке дня стоял вопрос о театре. На собрание донесли, что оно—«спартаковское». Капитан фон-Альт-Штуттергейм послал патруль под начальством прапорщика Прибе, чтобы арестовать собрание, так как собрания запрещены. Капитан фон-Альт-Штуттергейм стал сортировать арестованных на улице. Они кричали, что они ни в чем не виноваты. Он ответил, что ему до этого нет никакого дела, и позволял своим солдатам страшно избивать их. Семеро арестованных были расстреляны во дворе. Остальных заперли в подвал. Солдаты, частью пьяные, стали их бить и колоть без всякого разбора штыками, причем один штык погнулся и кругом летели брызги мозга. Так убили они остальных 14 и затем ограбили трупы. Пятеро из арестованных были тяжко

ранены. «Трупы убитых имели ужасный вид: у одного нос был втоптан в лице, у другого не было половины затылка. Если кто-нибудь из раненых шевелился, его били и кололи. Двое солдат, обнявшись, танцовали рядом с трупами и кричали». (Судебн. отчет). Солдаты говорили на суде, что они считали себя вправе поступать так, потому что капитан Гоффман им объявил: если вы увидите перед собой спартаковца, вы тотчас же должны пустить в ход оружие. Большинство убийц не установлено. Протокол вскрытия тел убитых исчез из судебного дела.

25 октября 1919 г. двое из солдат были приговорены судом к 14 годам каторги за убийство, один к году тюрьмы. Против ответственных за команду офицеров судебного дела не возбуждалось. Судебное дело против капитана фон-Альт-Штуттенгейм было прекращено.

4 ноября дополнительно судился по этому делу еще один солдат, который в ту ночь вышел из погреба запачканный кровью с часами и кошельком. По обвинению в убийстве он был оправдан, но приговорен к 10 годам каторги за воровство при отягчающих вину обстоятельствах.

Полицейский агент Блау.

Блау был провокатором. Во время январьского восстания 1919 г. он был вместе с

революционерами, завладевшими типографией Бюксенштейна, и конфисковал один автомобиль. После падения советской республики он действовал в Мюнхене и выдавал там себя за беглого коммуниста, нуждающегося в поддержке. Его узнали и заманили в Берлин. Там на коммунистическом собрании 1 августа 1919 г. его разоблачили, как шпиона, однако, он обещал представить опровергающие эти обвинения доказательства. Вместе с Гоппе он переночевал у некоего Поля. Туда, по показанию Гоппе, пришел впоследствии не разысканный полицейский агент и, подавая Гоппе яд, предложил ему отравить Блау. На следующий день Блау и Гоппе ночевали в квартире Винклера. Туда, по показанию Гоппе, пришли три человека, в том числе, повидимому, полицейский агент Шрейбер, предложили Гоппе тот же пузырек морфия и подстрекали его покончить с Блау. После этого Гоппе вышел из квартиры, но скоро вернулся. Во время его отсутствия Блау был убит. Труп был брошен в канал, где он и был найден связанным 7 августа.

24 июня 1920 г. началось судебное разбирательство этого дела. Фихтман и Гоппе обвинялись в убийстве, Винклер—в содействии им. Фихтман доказывал свое alibi. Главный свидетель обвинения Тоффль показал, что существует организованная группа террористов. Однако, как свидетель, он был

скомпрометтирован тем, выяснившимся на суде обстоятельством, что он был провокатором шайки грабителей и добыл для ограбления торговца брилльянтами оружие в имперском ополчении. Его начальство в конце-концов позволило ему удержать ограбленные деньги. Он сам отказался давать показания по этому поводу. Он признался, что делал попытку образовать военную организацию коммунистической партии и передавал приказы о нападениях на типографии. По показанию вахмистра Генке, одна только гвардейская кавалерийская стрелковая дивизия имела 110 шпионов.

5 июля Фихтман был оправдан. Гоппе за содействие убийству приговорен к 6 годам каторги, Винклер—к 3 мес. тюрьмы. Против полицейского шпиона Шрейбера и Тоффля, сильно замешанных в этом деле, судебного обвинения возбуждено не было.

Убийства во время мятежа Каппа.

Городской гласный Футран.

Когда Капп 13 марта 1920 г. захватил Берлин, Носке, как известно, не мог найти ни одного верного правительству солдата. Все полки, вся полиция и ополчение перешли на сторону мятежников. Центральное бюро ополчения выпустило листок о «новом правительстве труда». Для отражения мятежников организовались рабочие. Бегство Каппа произошло под флагом объединения обоих правительств. Положение было в высшей степени запутанное и никто не знал, стоят ли войска опять на стороне прежнего правительства Эберта-Бауэра или на стороне Каппа и Люттвица.

В К пеникке (близ Берлина) рабочие, а частью также и буржуазия вооружились под начальством Футрана, взяв оружие из местных запасов. В городе было все спокойно. Так-называемая красная гвардия несла глав-

ным образом сторожевую службу, охраняя вместе с полицией продовольственные склады и т. п. К городу подходили 3 батальона Потсдамского егерского полка. Никто не знал, на чьей стороне этот полк. Не знали этого и люди правых партий, как, напр., бургомистр Бенке. На головном уборе полк носил еще отличительный знак Капповских войск—зубчатый крест. Дело дошло до сражения, причем были взяты пленные. Когда путем справки по телефону в Берлине выяснилось, что этот полк опять перешел на сторону правительства Эберта, Футран сам отдал приказ положить оружие. Эскадрон временных добровольцев вступил после этого в город, объявил осадное положение и учредил военный суд. Футран, чувствовавший себя настолько ни в чем невиноватым, что ходил даже в ратушу, был арестован и приговорен к смерти за деяния, совершенные им до объявления осадного положения. В хранящемся у меня протоколе суда говорится:

«Основания: Свидетельскими показаниями, а отчасти и сознанием самого обвиняемого безусловно устанавливается, что он был главою коммунистического восстания, что он организовал красную армию и призывал к вооруженному сопротивлению приближающимся войскам правительства. Далее он угрожал пленным офицерам расстрелом и обращался с ранеными пленными, как с преступниками. Приговор был тотчас приведен в исполнение

группой солдат 4-го эскадрона под начальством лейтенанта Кубиха». (Следуют подписи суда).

Вместе с Футраном было растреляно несколько рабочих.

В тот же день войска оставили город; на следующий день военный суд был отменен. Все попытки привлечь виновных в этом деянии к ответственности потерпели неудачу.

10 офицеров против одного сумасшедшего.

Душевнобольной машинист Вейгельт, человек строго патриотического образа мыслей, пытался проникнуть в кадетский корпус в Лихтерфельде (предм. Берлина), где расположились добровольцы-офицеры, чтобы «записаться добровольцем в окопы». Он был арестован стоящим у дверей часовым, избит до крови в караульной комнате резиновой палкой, которую сам же он и принес с собой. Потом его потащили по лестнице, на которой еще на другой день оставались следы крови. Его притащили в комнату лейтенанта Шютца. Там было 10 офицеров, на которых он якобы напал. Хотя он кричал—«господа офицеры, позвольте мне убежать, ведь я же больной», он был убит 4 выстрелами, один из которых сделал в него лейтенант Янсен, а три—лейтенант Шютц. Выстрелы были направлены сверху в череп, из чего следует заключить, что он лежал на полу. Шютца судили за это сперва в военном, а

потом в окружном суде. Он был оправдан, так как показал, что действовал, обороняясь.

Бомбардировка неукрепленного города.

В Мекленбурге генерал фон-Леттов-Форбекк организовал для поддержки Каппа восстание и арестовал законное правительство. Рабочие объявили всеобщую забастовку.

14 мая народное собрание в Варене объявило против Каппа всеобщую стачку. «Вождь имперского ополчения» лейтенант Петр фон-Лефорт и «уполномоченный имперского ополчения для города Варена» ротмистр Стефан фон-Лефорт потребовали 17 мая от населения выдачи оружия и немедленного возобновления работы под угрозой смертной казни. Министерство в Шверине и генерал фон-Леттов-Форбекк на запрос из Варена ответили, что должностей, какие присвоили себе упомянутые офицеры, не существует и что таких полномочий им не давалось. На следующий день фон-Лефорты угрожали «бомбардировать и взять штурмом Варен», если их требование не будет исполнено. Когда к ним явилась депутация от города, они потребовали безусловной сдачи и 30 заложников. После этого они выпустили в город 5 гранат. Материальный вред был значительный: много жителей было ранено и двое рабочих убито; трое умерло от ран.

20 мая 1921 г. Стефан фон-Лефорт был по

постановлению суда освобожден от наказания, а Петр фон-Лефорт бежал и живет в Австрии. Они утверждали на следствии, что действовали, находясь «в состоянии самозащиты».

Расстрел на основании Капповских законов.

В Ниндорфе 17 марта 1920 г. происходило рабочее собрание на квартире рабочего Витке, на котором было решено послать к помещику барону Бранденштейну (бывш. посланнику) депутацию для переговоров о заработной плате, которой рабочие были недовольны. Говорили и о мятеже Каппа. Барон Бранденштейн вызвал из Шверина войска. Ночью у Витке сделали обыск, арестовали его и потащили к дому барона. При этом один солдат сказал его жене: «Прощайтесь с ним сейчас, через час он будет трупом». Одновременно были арестованы и отведены туда же еще двое рабочих.

Барон вышел из замка и, указывая на Витке и другого рабоче о, Штейнфурта, сказал: «да, это те самые». После этого оба они были представлены капповскими солдатами якобы в военно-полевой суд, приговорены к смерти и в ту же ночь расстреляны.

Начатое по этому поводу судебное следствие было прекращено по постановлению прокурора. У меня хранятся показания свидетелей. Барон Бранденштейн, которого я

запрашивал письменно, в ответном письме не возражал против этого факта, но прибавлял, что осуждены были рабочие «на основе изданных законов». Сам он был будто бы против смертной казни. Во втором же письме он утверждал, что имена ответственных в этом деле офицеров ему неизвестны.

Помещик волен над жизнью и смертью.

18 марта 1920 г. рабочий Сломский председательствовал на рабочем собрании во время стачки в одном имении близ Мекленбурга. Подъехали автомобили с 60 солдатами и несколькими офицерами из добровольческого отряда Россбаха. Всех рабочих заставили построиться в ряд. После этого пришел помещик Бахман, у которого работал Сломский и стал отбирать рабочих. Сломский был арестован и избит солдатами. Бахман между тем переговаривался с офицерами. В результате переговоров организовали «полевой суд». Сломского под сильным конвоем провели мимо его дома, у которого стояли и громко плакали его жена и дети. За околицей он был расстрелян. Труп принесли в его дом. Прокуратура прекратила начатое против Бахмана судебное следствие, так как тут «исключается наличность намеренного и сознательно противозаконного действия».

Подвиги демминских уланов.

18 марта 1920 г. демминские уланы под командой ротмистра Оберница вступили в городок Гноин, так как тамошние рабочие не хотели признавать власти Каппа. Каменщик Греблер, председатель местной организации независимых, был арестован рано утром и, несмотря на все просьбы жены и шестерых детей, был растрелян на улице в 100 метрах от своего дома без допроса. Потом уланы арестовали еще 96 рабочих и отвели с собою в Деммин. При этом один старик был так избит, что вскоре умер. Перед самым Деммином уланы открыли по арестованным огонь, четверых убили и очень многих ранили. По этому делу еще ведется следствие.

Убийства в Бреславле.

13 марта 1920 г. в Бреславле был арестован добровольцами редактор «Силезской Рабочей Газеты» Шотлэндер, член партии независимых и вместе с ним 30 других лиц. Арестованных истязали в штабе добровольцев, потом отвели в тюрьму. «Ночью 16 марта Шотлэндера повели из тюрьмы в штаб на допрос под конвоем 3 солдат. Солдаты предъявили в тюрьме ордер на выдачу им арестованного Шотлэндера, подписанный главнокомандующим. С тех пор Шотлэндер пропал

без вести. Штаб и комендатура ничего не знают—ордер, должно быть, был подложный». (Взято из объявления полиции). Потом труп прибило волнами к берегу реки Одера.

Кроме Шотлэндера, в Бреславле пропало после ареста без вести еще несколько рабочих.

15 рабочих из курорта Таль.

Во время Капповского мятежа на его сторону перешел командир 15 бригады имперского ополчения генерал-майор Гагенберг. Правительство же в гор. Готе стояло за конституцию, было поэтому объявлено смещенным и часть его была арестована именем имперского канцлера Каппа. Барон фон-Шенк, воинский начальник в г. Марбурге, отказался отвечать, на чьей он стороне, Эберта или Каппа. Он заявил, что будет повиноваться только приказам, идущим из города Кесселя. В Кесселе же был генерал фон-Шёлер, сторонник Каппа.

19 марта фон-Шенк организовал студенческую дружину. 20 марта батальон ополченцев, состоящий преимущественно из студентов, вышел под начальством морского капитана 2 ранга фон-Зельхова из Марбурга в Тюрингию, чтобы «восстановить там порядок». Студенты шли с музыкой и украшенными лентами знаменами. Ректор старался воскресить настроение 1914 г. Военные вла-

сти присылали сообщения о разных ужасах, творящихся «в охваченной восстанием Тюрингии», о «центре повстанческого движения в мирной Руле», о «жестоких боях вокруг Готы, Эрфурта, Эйзенаха», об «артиллерии, минометах и многочисленных пулеметах». Несмотря на все это, батальон через день «без сопротивления со стороны врага вступил в Эйзенах», а через 4 дня также «без сопротивления» вступает в Готу, без единого сражения и, разумеется, без потерь убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

На курорте Таль все было так же спокойно. Но по списку, составленному на основании совершенно бездоказательных доносов, было арестовано 15 рабочих. Пятеро из них были членами демократической партии. В 7 ч. утра 25 марта студенческий батальон выступил в Готу. Арестованные «спартаковцы», разумеется, все безоружные, замыкали под конвоем студентов шествие в расстоянии полукилометра от батальона. Еще до 8 ч. утра все они были расстреляны студентами на дороге. Трупы остались лежать, а студенты *с песнями* пошли дальше. Арестованные, якобы, сделали попытку к побегу. Трупы были найдены все рядом, все с разможженными головами—значит стреляли с близкой дистанции. Большинство ранений было такое, что эксперт на суде сказал, что черепа совершенно снесены и невозможно опреде-

лить, с какой стороны были произведены выстрелы. Относительно двух можно с уверенностью сказать, что они убиты спереди, другие, может быть, сзади. Один получил ранение сверху вниз.

19 июня по этому делу судилось 10 студентов, большею частью б. офицеров, в военном суде, т.-е. в суде, составленном из их же товарищей, и были оправданы. Однако, они не могли доказать, что арестованные сделали попытку к побегу. Дело перешло в окружной суд. Прокурор произнес речь в пользу обвиняемых. Свидетелей обвинения, напр., лейтенанта Дудерштадта, не допрашивали. Студенты были оправданы по обвинению в убийстве и злоупотреблении оружием. Так как прокурор отказался от кассации, приговор вступил в законную силу.

Ветеринар Нейберт.

В городе Зёммерда во время Капповского мятежа рабочие объявили всеобщую стачку, обезоружили милицию и арестовали несколько ее вождей. 24 марта 1920 г. против них выступило имперское ополчение и обстреляло город. Стачечный комитет послал к войскам для переговоров ветеринара Нейберта.

Установлено, что Нейберт был арестован солдатами перед городом, когда он шел в качестве парламентера к командиру отряда.

Потом его привели обратно в город и заперли в погребе ратуши. Через некоторое время по приказу командира солдаты снова вывели его за город. Этот приказ командир отдал потому, что в городе жизнь Нейберта будто бы была в опасности, так как население было крайне озлоблено против него. За городом Нейберту велели бежать и сзади стреляли в него. Он был ранен с короткой дистанции одним солдатом, который потом ударил его прикладом и вторично выстрелил в него.

Дело об убийстве Нейберта велось в военном суде, потом при отмене военных судов следствие перешло к прокурору. Обвинение возбуждено против 4 солдат. Следствие еще ведется.

Убийства в Рурской области.

Депутат Штейнбринк говорил в прусском ландтаге 20 апреля 1920 г.: «Я хочу вам сообщить, что еще за последние 14 дней расстрелян без судебного приговора целый ряд людей. Так, мне сообщают, что в Эссене без суда расстреляно двое, в Гейссене—6 чел.»

На это министр вн. дел Зеверинг ответил: «Верно, что в Мюльгейме, Дуисбурге, Эссене и др. местах происходили расстрелы без суда»... «Расстрелы, о которых говорит депутат Штейнбринк, не были исполнением смертного приговора военно-полевого или

чрезвычайного военного суда, но актами произвола: какой-нибудь отряд, не имевший на то никаких полномочий, выискивал людей, заподозренных в большевизме или спартакизме, и в целом ряде городов такие люди расстреливались без всяких разговоров. Таковы официальные данные, доставленные мне назначенными мною гражданскими комиссарами».

За него я не ручаюсь.

1 апреля в Вестфалии у Гюльза происходили бои между правительственными войсками и красноармейцами. В связи с этим в Гюльзе был оцеплен один дом и всем обитателям его было приказано выйти на улицу. Все были безоружные. Егерь Гахмейер заявил, что он может поручиться за всех жильцов дома, за исключением рабочего Гюльзбуша, что они—не спартаковцы. После этого Гюльзбуш был поставлен к стенке и застрелен одним унтер-офицером. Его бумаги были отняты.

По этому поводу возникло дело по обвинению Гахмейером секретаря партии независимых Гервига в оскорблении его. На суде было установлено, что расстрелянный не принимал участия в сражении. Гервиг был приговорен к штрафу в 100 марок за то, что он сказал, что Гахмейер виновен в смерти Гюльзбуша.

Убийства со стороны левых во время мятежа Каппа.

В общине Клейнкугель, близ Галле, существовала гражданская милиция с 14 винтовками и одним пулеметом. Во время Каповского мятежа рабочие потребовали от помещиков выдачи оружия. По совету имперского ополчения, помещик Вальтер спрятал замки от винтовок. 18 марта имперское ополчение винтовки забрало. 19 марта сын помещика поехал на велосипеде в Галле, чтобы отвезти туда деньги. При этом он захватил с собою и замки от винтовок. По дороге он был остановлен рабочими, и у него были найдены эти замки. Вальтера рабочие арестовали и отвели на шахту. Там его стали упрекать в том, что по его доносу имперское ополчение расстреливало людей. Рабочие решили убить его и сказали ему об этом. Двое рабочих отвели его к сушильне и там убили выстрелом в голову. По этому делу судился рабочий Раш; он был оправдан, так как свидетели показали, что он не был убийцей.

21 марта 1920 г. несколько рабочих из Штассфурта пришли к помещику Генце и потребовали у него подводу для поездки в Галле, так как поезда не ходили на всем пути, Генце сперва отказал. Вслед за тем пришло 40 рабочих с заряженными винтов-

ками и ручными гранатами. Они окружили Генце и его сестру. Началась брань и побои. Генце был убит выстрелом в легкие и ударом приклада по голове, сестра его—пулей в сердце. За убийство Генце судился рабочий Феликс и кузнец Ролле. Первый был приговорен к 5 годам тюремного заключения, второй—к 12 годам каторги. Убийца сестры Генце рабочий Штейнбах был приговорен также к 12 годам каторги.

Солдат имперского ополчения Замец был взят в плен красноармейцами. Его отвели к машинисту Карузайту, командиру красной армии. Последний приказал составить военный суд из ближайших ротных командиров. Они приговорили Замеца за шпионство к смертной казни. Карузайт, оказавшийся впоследствии провокатором, отобрал людей для приведения приговора в исполнение и приказал расстрелять Замеца в ту же ночь. Судебное дело против Карузайта еще ведется.

Во время господства красной армии в Эссене в тюрьму был приведен арестованный Лангензипен. Ночью 4 красногвардейца вывели его из камеры и расстреляли в подвале. Говорят, что Лангензипен был провокатором.

Индивидуальные убийства.

Ганс Пааше.

Ганс Пааше служил офицером в колониях и под влиянием ужасов колониальной войны стал пацифистом. Во время войны против него было возбуждено обвинение в государственной измене за распространение листка, который ему доставил по поручению полиции один провокатор.

Пааше играл некоторую роль в первые дни революции, но потом удалился в свое имение Вальдфриден. На него поступил донос, будто он прячет у себя в имении оружие для коммунистической боевой организации. На этом основании 22 мая 1920 г. у него был произведен обыск обер-лейтенантом Коппе. Для производства обыска было послано 60 солдат при 2 офицерах.

Пааше сидел в купальном костюме на берегу озера и удил рыбу, когда подошел к нему жандарм и попросил его пойти в замок, потому что там его ожидают. Приказа об

аресте не было. Когда Пааше увидел цепь солдат, у него явилось подозрение и он повернулся—«к попытке к побегу», как говорит рапорт Коппе. Согласно приказа, что «если арестованный не остановится после троекратного окрика, солдат должен стрелят», Пааше был убит солдатами. Смертельный выстрел был сделан стрелком Дикманом. Чтобы создать благоприятное себе впечатление в обществе, оффициозное сообщение в газетах говорит: «Как сообщают, у Пааше найдено большое количество разрывных пуль». Впоследствии это ни на чем не основанное утверждение более не повторялось, и в различных оффициальных сообщениях, особенно же в сообщении прусского министерства внутренних дел было признано, что при обыске не было найдено абсолютно ничего компрометтирующего. Правительство обещало строжайшее расследование и наказание виновных.

Расследование окончилось следующим образом:

«Телеграмма».

«Судебное дело прекращено, так как нельзя доказать наличность наказуемого деяния. Смерть Пааше произошла от сцепления непредвиденных несчастных обстоятельств, за которые никто не может нести уголовной ответственности». 6 декабря 1920 г. Старший прокурор (подпись).

Жалоба генерал-прокурору была оставлена без последствий.

Павел Гоффманн во Фленсбурге.

По доносу одного шпиона, Рейхарда, 28 декабря 1920 г. по приказу начальника фленсбургской полиции майора Плюскова был арестован коммунист Павел Гоффманн за то, что он якобы подготовлял мятеж. Ночью его привели в казарму. Когда утром его нужно было перевести в подследственную тюрьму, он будто бы толкнул вахмистра в грудь, чтобы убежать. Конвойные после троекратного окрика дали по нему два выстрела и убили его наповал. Правительство обещало строгое расследование. Майор Плюсков был понижен в должности. Больше ничего сделано не было.

Вильгельм Зюльт.

Вождь рабочих электрической промышленности при многих стачках Зюльт был арестован 30 марта 1921 г. политической полицией. 1 апреля, когда его привели в полицейское управление для допроса, он, по словам официального сообщения, толкнул сопровождавшего его агента и бросился вниз по лестнице. Агент Юнке дважды выстрелил в него и ранил в легкое и в почку. Зюльт упал. Один полицейский офицер толкнул его ногой со словами: «околевай, скотина!» Раненого положили просто на нары. Доктора к нему не пустили. Только вечером свезли его

в больницу. Еще до операции он, по словам эксперта, потерял $1^1/_2$ литра крови. 2 апреля он умер. Умирая, он сказал своему защитнику, что он не толкал агента и не думал бежать. После смерти труп был тотчас же вскрыт, причем приглашенному защитником доктору не было дано возможности присутствовать при вскрытии и он не мог дать заключения о направлении выстрела. За этот случай никто не был привлечен к ответственности.

Макс Гёльц.

В марте 1921 г. в средней Германии началось восстание, поднятое главным образом коммунистами. Гёльц был военным руководителем так-называемой «красной армии» (ковычки автора). Для своего пропитания она предприняла ряд «реквизиций»; несколько зданий было взорвано. Гёльц с кучкой вооруженных людей явился к помещику Гессу и потребовал денег и верхнего платья. Гесс сперва обещал, а потом отбежал несколько шагов в сторону. В него стреляли и убили. Нельзя было установить точно, кто именно стрелял. Свидетели на суде показывали разное. Суд допускал, что Гёльц действительно хотел избегнуть кровопролития, присудил его к пожизненной каторге, признав виновным в убийстве без заранее обдуманного намерения.

Вахмистр уголовной полиции Бухгольц.

«Сотня особого назначения» поддерживала восстание в прибалтийских провинциях, содействуя присылке туда денег посредством подкупа железнодорожных чиновников. При мятеже Каппа она тотчас стала на его сторону. Тем не менее она была неуязвима. Летом 1920 г. в ней был образован под главенством капитана Стеннеса «союз борящихся», которому удалось спрятать много оружия от обязательной сдачи. Обыски ни к чему не приводили, так как «сотня» всегда предупреждалась об обысках. Для подозреваемых в выдаче складов оружия существовал тайный, собиравшийся по ночам, суд. С одобрения своего начальства Бухгольц тратил большие суммы денег на штатских служащих, т.-е. на шпионов.

Со стороны Бухгольца опасались выдачи всего этого. 13 июня 1921 г. он был найден мертвым в придворной казарме в Шарлоттенбурге. Говорили, что он покончил с собой самоубийством из-за растраты денег. Однако, наличия растраты нельзя было доказать. По заключению судебного эксперта д-ра Штёрмера, здесь имело место «безусловно убийство другим человеком». Следствие, начатое против сотни, было сперва остановлено—«так как нельзя ожидать правдивых показаний от свидетелей, которые находились под постоянной угрозой сотни».

2 декабря 1921 г. по этому делу судились вахмистры Эррен и Майер, обвинявшиеся в убийстве. Они были оправданы. Эррен находился в одной комнате с Бухгольцем, чтобы телефонировать, и позвал Бухгольца идти, как вдруг раздался выстрел: Бухгольц якобы собственноручно всадил себе пулю в затылок.

Эрцбергер [1]).

26 января 1920 г. Эрцбергер, выходя из здания суда в Моабите, был тяжело ранен двумя выстрелами, произведенными в него бывш. юнкером фон-Гиршфельдом. При допросе Гиршфельд сказал, что Эрцбергер вредит отечеству и сознательно работал против Германии. Он далее пояснил, что свои сведения об Эрцбергере он почерпнул из брошюры Гельфериха [2]).

Эрцбергер в ожидании исхода своего процесса с Гиршфельдом устранился от общественной жизни. 26 августа, во время прогулки на курорте Гисбах в Шварцвальде, он был застрелен двумя молодыми людьми. Его спутник депутат Дитц был ранен. Когда

---

[1]) Один из вождей центра. Он получил громадную известность, как инициатор „мирной революции рейхстага" летом 1917 г. Его выступление в рейхстаге было одним из первых симптомов движения, поведшее к падению старого режима. *Примеч. переводчика.*

[2]) Известный министр Вильгельма II, игравший крупную роль во время войны. В настоящее время лидер немецкой консервативной партии. *Прим. переводчика.*

Эрцбергер уже упал, убийцы для верности произвели в него еще несколько выстрелов. Затем они убежали.

При розыске виновников этого преступления выяснилось, что еще 27 апреля 1921 г. Гиршфельд получил отпуск из тюрьмы на 4 месяца, якобы по болезни, и не возвратился назад. Отпуском своим он пользовался для тренировки в езде на велосипеде. В день убийства он был в соседнем курорте Кальмбахе. В Берлине он был пойман и отбывал дальше срок своего заключения с 10 сентября. После этого он был объявлен душевнобольным, помещен в психиатрическую клинику во Фрейбурге и снова выпущен оттуда, но в конце-концов арестован для отсидки срока своего заключения.

Убийцы были открыты в лице мюнхенских жителей Шульца и Тилессена. Оба— бывшие офицеры, служили потом в штабе морской бригады Эрхарда. Последнее время работали в сельскохозяйственном центральном кооперативе у тайного советника Гейма. Они состояли членами «Немецкого народного союза сопротивления», «Союза горной страны», бывшего раньше добровольческим отрядом в Верхней Силезии, и немецкой националистической тайной организации «С» (см. ниже).

Цели этой организации: пропаганда национальной мысли, борьба с интернационализмом, с евреями и подбор решительных

людей. «Предатели подлежат тайному суду». Члены дают обязательство в безусловном подчинении. У Шульца и Тилессена были фальшивые документы на имя Троста и Швинда. Они бежали в Венгрию. Когда из Будапешта они отправляли телеграмму на имя присяжного поверенного Мюллера в Мюнхене, их узнали и арестовали, но потом освободили по телефонному приказу градоначальника Хетени.

Бывший капитан-лейтенант фон-Киллингер, начальник Шульца и Тилессена в организации «С» (оффициальное имя организации: Баварское О-во экономического использования дерева) обвинялся в оказании содействия убийцам Эрцбергера. Он взял к себе на сохранение их сундуки, получал письма и поддерживал с ними сообщение после убийства Эрцбергера. Киллингер — бывший офицер, участвовал в борьбе против Баварской Советской Республики, участвовал также в мятеже Каппа и в занятии им военного министерства. При аресте у него найден был образец поддельного паспорта. 13 июня 1922 г. он был оправдан судом.

Единственный человек, осужденный до сих пор по делу об убийстве Эрцбергера, это—ответственный редактор одной оффенбургской газеты Франц Губер. Он был приговорен к штрафу в 1.000 марок за опубликование части обвинительного акта.

Вальтер Ратенау.

Когда министр иностр. дел Ратенау ехал 24 июня 1922 г. из своей виллы в Груневальде в министерство, его обогнал другой автомобиль. В этом автомобиле сидели отставной обер-лейтенант Эрвин Керн и Герман Фишер, правил автомобилем Эрнст Вернер Техов, 21 г. Керн и Фишер осыпали Ратенау выстрелами из пистолета и бросили в него ручную гранату. Ратенау был убит. Автомобиль был предоставлен убийцам крупными фабрикантами Иоганном и Францем Кюхенмейстерами из Фрейбурга в Саксонии, состоявшими членами Немецкого Союза Сопротивления и Защиты.

Три участника убийства состояли раньше в бригаде Эрхарда, потом в организации «С» и принимали участие в мятеже Каппа. Автоматический пистолет, из которого был убит Ратенау, им дал Христиан Ильземанн, секретарь Союза Сопротивления и Защиты. В разработке плана убийства участвовал выдававший себя за лейтенанта В. Гюнтер, 27 л., психопат и дезертир. Он же нанимал гараж для автомобиля. Он состоял членом «Союза Прямых», Немецкого Союза, Немецкого союза офицеров и Немецкого национального союза молодежи. На интимном вечере последнего его чествовали, как убийцу Ратенау. У него нашли письма от Гельфериха, Людендорфа, Ягова и полковника Бауэра. Одно из 10 писем

Людендорфа содержало такие выражения: «Дорогой Гюнтер» и «с сердечным приветом». Помощь убийцам оказывал также гимназист Ганс Техов, 16 л. Прежний кадет Эрнст фон-Саломон, 20 лет, познакомил убийц с В. Нидригом, 22 л., который первоначально должен был править автомобилем. Автомобиль стоял в Берлине, в гараже Шютта и Дистеля.

После убийства Техов рассказывал им: «Дело удалось, Ратенау—готов. Мы сделали это, чтобы провоцировать красных на выступление. У нас вышли все деньги». Потом он поехал в свой клуб игры в теннис. Затем Техов уехал в имение своего дяди Беренса, который и выдал его полиции. За это Беренс получил множество угрожающих писем.

После долгих поисков Керн и Фишер были открыты полицией 18 июля в замке Заалек около курорта Кёзель, в квартире литератора Ганса Штейна. Керн был убит при аресте в перестрелке с полицией, Фишер застрелился сам.

3 октября 1922 г. начался разбор этого дела в государственном трибунале в Лейпциге, Гюнтер получил коробку с отравленными мышьяком конфектами. Во время суда он дал их и другим обвиняемым, с которыми он во время разбора дела мог иметь общение. Часть обвиняемых заболела. Кто передал отравленные конфекты, установить не удалось. 14 октября был вынесен приговор,

Эрнст Вернер Техов за содействие убийству был приговорен к 15 годам каторги и 10 годам последующего лишения гражданских прав, Ганс Техов—к 4 годам и 1 мес. тюрьмы, Гюнтер— к 8 годам каторги и лишению гражданских прав на 10 лет, Нидриг и Саломон— к 5 годам каторги и лишению гражданских прав на 5 л., Ильземанн за нарушение законов о пользовании оружием—на 2 мес. тюрьмы, на столько же владелец гаража за недонесение, Тилессен и Пласс за недонесение о готовящемся преступлении на 2 и на 3 года тюрьмы.

Против Тилессена ведется еще другое дело—за содействие покушению на Шейдемана и за освобождение преступников войны Больдта и Диттмана. Суд не входил в разбор деятельности организации «С». Ведется еще дело против Штейна, давшего у себя убежище убийцам и против отставного капитан - лейтенанта Дитриха, снабдившего убийц во время бегства новыми костюмами. Иоганн Кюхенмейстер, у которого нашли склад оружия, и еще один замешанный в убийстве, Брандт, скрылись. Судебное преследование против 17-летнего гимназиста Штубенрауха, который носился с планом убийства Ратенау, приостановлено. Он продолжает учиться в гимназии.

Статистика политических убийств.

Контр-революционерами совершено 354 политических убийства. Общая сумма кар за них составляет: 90 лет и 2 мес. заключения, 730 марок штрафа и в одном случае пожизненное заключение.

Революционерами совершено 22 политических убийства. Общая сумма кар за них составляет: 10 смертных казней, 248 лет и 9 мес. заключения и в трех случаях—пожизненные каторжные работы.

Политические убийства со стороны контрреволюционеров сгруппированы по своей форме в следующей таблице:

„Жертвы несчастной случайности"	184
Произвольные расстрелы	73
„Убит при попытке к побегу"	45
Мнимое военное право	37
Мнимая самооборона	9
Самосуд над арестованным	5
Мнимое самоубийство	1
Итого	354

Убийства, совершенные революционерами по форме группируются следующим образом:

Расстрелы, как репрессия	10
Произвольные расстрелы	8
Мнимое военное право	3
Мнимая самооборона	1
Итого	22

Отношение наказаний к отдельным убийствам показано в следующей таблице:

	Политич. убийства		Итого.
	со стороны революционеров.	со стороны контрреволюц.	
Общее число убийств. .	22	354	376
из них безнаказанных	4	326	330
отчасти наказанных. .	1	27	28
наказанных	17	1	18
число приговоренных по суду.	38	24	
число оправданий сознавшихся в убийстве	—	23	
награждение сознавшихся убийц	—	3	
средн. продолжит. заключения за 1 убийство.	15 лет.	4 месяца	
число казненных. . .	10	—	
денежный штраф. . .	—	2 марки	

ЧАСТЬ II.

К социологии политических убийств.

Как складывается немецкое общественное мнение.

Когда вспомнишь описанные выше политические убийства и подумаешь об еще более ужасной классовой юстиции, то невольно возникает вопрос: как возможны подобные вещи в стране, которая прежде славилась своею организованностью, которая принадлежит к числу передовых культурных наций нашего времени и которая по своей конституции является свободной демократической республикой?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно проследить происхождение этого духа нашего времени. Тут нужно различать три фазы: довоенное развитие, развитие во время войны и после революции 9 ноября 1918 г.

До войны Германия имела, хотя и не

совсем справедливо, репутацию милитаристической, т.-е. полуфеодальной страны, отсталой по сравнению с западными демократиями. Этому взгляду противоречат социальные установления Германии и огромные заслуги ее науки и техники. Основывался же он: 1) на преобладающем влиянии военных в государстве и обществе и 2) на принципиально отличительном отношении Германии к гаагской конференци. Мы не будем входить в рассмотрение того, насколько эти пацифистские попытки действительно были возможны и какие тут были виды на будущее. Нам только важно констатировать, что веледствие такого отношения Германии о ней сложилось мнение, как о стране милитаризма. Этот взгляд оказывал в действительности решающее влияние на внешнюю политику в важнейших ее моментах, напр., в вопросе о международном третейском суде.

Три причины милитаризма.

Как главные причины такого склада Германии вкратце можно привести следующее.

а) Возникновение Пруссии в колонизованной стране, где первоначально тонкий слой немецкого населения господствовал над широким слоем славянства, и неблагоприятное в смысле защиты границ положение Германии делали необходимыми большие за-

траты на военные цели. А потом уже для самого оправдания своего собственного существования военное сословие должно было отрицать возможность сохранения мира иным путем, кроме вооружения, даже и в тех случаях, когда этот путь был не только безрезультатен, но, наоборот, даже вреден.

б) Авторитетность этой идеологии поддерживало относительно недавнее образование единого немецкого государства, в чем совершенно напрасно видели осуществление демократических мечтаний 48 года. Буржуазная революция 48 года подчеркивала идею нации не в смысле современного империализма, а как свободолюбивое противопоставление господствовавшему династическому взгляду на государство. Государство должно основываться на народе, а не на князьях. Национальную мысль, которая без социального содержания оставалась пустой формулой, Бисмарк воспринял, как средство усилить могущество династии Гогенцоллернов, и таким образом могла возникнуть фикция, будто империя 1870 года есть продолжение революционных демократических тенденций 1848 года. Кровью и железом сверху было осуществлено то, чего не могла осуществить революционная буржуазия снизу. Так милитаризм искусственно покрывается вуалью идеализма.

в) Быстрый экономический подъем Германии после 1870 г. объяснялся, как след-

ствие военной победы, а не как последствие уничтожения внутренних таможенных перегородок и одновременно повсеместного повышения конъюнктуры. Поэтому офицеры—«основатели немецкого могущества»—оставались и во время мира руководящим слоем общества. Но государство, в котором господствует военщина, в прямом ли виде или в скрытой форме корпорации офицеров запаса, по самой своей природе должно выступать во внешнем мире воинственно.

Таким образом, мы видим, что буржуазия, которая в иных условиях могла бы быть защитницей демократии, в Германии сама поддерживала своего врага, милитаризм.

К вопросу о виновных в войне.

Но ложен тот взгляд, будто бы Германия много лет только о том и грезила, чтобы как-нибудь напасть и завоевать остальной «демократически и мирно настроенный мир». Если хотят говорить о немецкой вине, то нужно различать следующие три точки зрения: а) вину господствующего экономического порядка вообще; этот порядок делал войну и ее подготовку доходным предприятием для богатых классов; б) вину немецких дипломатов, которые при своей безусловной вере в «кровь и железо» отвергали в июле 1914 г. все мирные средства до тех пор, пока не сделали войну неизбежной; в) вину

всего немецкого народа, представлявшего себе войну, как нечто чудесное, достойное воодушевления.

Если в начале войны вся Германия относилась к ней безусловно положительно, то и в этом нельзя видеть доказательства милитаристического завоевательного духа. Везде в Германии было распространено представление, что на нас напала Россия и что мы действительно должны защищась европейскую культуру против варварства. Войну же против Франции оправдывали посредством известий лжи о сброшенных с аэропланов в Нюренберге бомбах, чему тоже все верили. Нападение на Бельгию казалось необходимым мероприятием обороны против якобы более раннего вторжения французов.

Техника лжи в прессе.

Неорганизованное распространение лживых известий скоро уступило место систематическому введению в заблуждение общественного мнения.

Средствами для этого были цензура, военное положение и арест в административном порядке. Официально цензура касалась только военных дел. Поэтому все политическое стали трактовать, как имеющее отношение к войне. Почти ежедневно в редакции присылались директивы, приказы и запрещения. По несколько раз в неделю устраи-

вались «конференции прессы», чтобы лансировать «правильные» известия и чтобы воспрепятствовать выработке самостоятельного общественного мнения. Смысл этих указаний был всегда один и тот же: «дело обстоит так-то и так-то, но мы хотим, чтобы оно было представлено так-то и так-то» (иногда так буквально и говорилось). Тщательно скрывали, что цензура вообще существует. Сюда относится и запрещение оставлять пустыми места, зачеркнутые цензурой, что было позволено во всех остальных странах. Если же в рейхстаге заходила речь о цензорских эксцессах, то соответствующий цензор в местной прессе зачеркивал целиком весь отчет об этом. Несколько лет под-ряд каждое театральное представление, каждое научное сообщение, каждую заметку об искусстве, каждое объявление и даже каждый юмористический листок подвергали оценке с той точки зрения, как они отразятся на настроении народа. Несколько лет под-ряд запрещалось даже упоминать о некоторых неприятных происшествиях и называть имена некоторых неприятных личностей, так что народ вовсе и не знал, что существуют люди, протестующие против этого. Наоборот, некоторых полубогов объявили священными. Нельзя было критиковать высшее военное командование, которое было чисто политической организацией.

Народ вводили в заблуждение также и

относительно взглядов прессы. Всю прессу заставляли излагать правительственные мнения, как редакционные, не допуская никакой критики.

За нарушение хотя бы только одного из многих цензурных распоряжений газетам грозило запрещение на несколько дней, недель или до конца войны, а редакторам — строгие наказания. Если какую-нибудь газету все-таки не удавалось обуздать такими средствами, то ее подвергали предварительной цензуре. Тысячи страниц протоколов рейхстага наполнялись жалобами на цензуру со всем к ней относящимся, как, напр., военное положение и административный арест. В добавление к цензуре правительство пользовалось еще многими другими мелкими средствами, бывшими в его распоряжении. Верные правительству газеты получали преимущество при распределении бумаги. Редакторов оппозиционной службы мобилизовали. Новых оппозиционных органов не разрешали. Основали бесплатные корреспонденции, напр., немецкие военные известия, и таким образом закрепляли за правительством провинциальную прессу.

Расправа с общественным мнением.

Кроме прессы эта пропаганда лжи использовала в своих целях театр, кинематограф, плакаты, трамвайные билеты, спичечные коро-

бочки и даже клозетную бумагу. Всеми средствами старались изнасиловать общественное мнение.

Людям неудобным затыкали рот посредством запрещения писать, арестов, призывом на военную службу или во вспомогательные войска, посредством запрещения выступать на собраниях, подпиской о невыезде, тайной цензурой писем и телеграмм. Тысячи людей сидели под арестом без всякой возможности оправдаться. Политическая жизнь была опутана густой сетью шпионов и провокаторов. Запрещением собраний не давали выявиться народной воле. Впавшим в немилость депутатам рейхстага запрещали выступать на собраниях их же избирателей. Одновременно им запрещали разглашать о таком запрещении, так что казалось, будто они изменили свои взгляды. Когда конфинсковалось какое-нибудь издание или распускалась какая-нибудь организация, то одновременно запрещалось сообщать об этом. Так поступали не только с отдельными людьми. Всему эльзас-лотарингскому ландтагу запрещено было говорить о самом жизненном для страны вопросе, именно о будущем конституционном положении Эльзас-Лотарингии в империи.

Систематически поощрялись доносы. Отважным руководителем этой войны был полицейский директор Геннингер из отделения 1-а полицейского управления. (В день рево-

люции он скрылся, а теперь опять на своем месте). От мыслящих людей скрывался весь фактический материал для размышлений. Замалчивалось все: не только народные волеизъявления, но и число рождений и смертей, несчастные случаи, преступления, стачки. Нельзя, напр., было сообщать в газетах о понижении рождаемости или точных данных об урожае. Некоторые полные стенографические отчеты рейхстага были напечатаны нелегально. Цензура запрещала известия министерства народного здравия и даже статьи министерства военного продовольствия. Даже рейхстагу и органам самого правительства не было дано возможности получать объективное осведомление.

Так народ был совершенно сбит с толку и был беспомощен против лжи, которая ежедневно преподносилась ему правительством и шовинистической прессой.

Революция.

Немецкая республика, как известно, не есть результат освободительных стремлений немецких граждан, а последствие поражения на фронте немецких генералов. Ответственность они с себя сняли. По их желанию было образовано новое прогрессивное правительство, которое могло иметь только одну цель— добиться благоприятных условий перемирия. Чисто военные соображения вынуждали этот

шаг. Немецкое войско потерпело небывалое поражение. «Предложение мира должно быть сделано завтра же. Сегодня войска еще держатся, а что будет завтра, неизвестно», так писал сам Людендорф. А Гинденбург телеграфировал в комиссию по перемирию, что, если нельзя добиться более мягких условий, то нужно принять всякие условия. За одну ночь в армии образовались советы солдатских депутатов, рабочие массы вышли на улицу и заставили старую власть уйти.

Но эта революция отличается от обычной картины революции. Не было существенной психологической причины, векового недовольства масс. До 1914 года в общем царило довольство. Уровень жизни поднялся, страна была в состоянии экономического подъема. Когда немецкая политика потерпела кораблекрушение, последовал не социальный переворот, а только падение правительства *), а так как династии солидаризировались с милитаризмом, то их послали к чорту.

Все надеялись, что с этого момента начнется демократическое развитие, что народ освободится от атмосферы лжи.

---

*) Непереводимая по-русски игра слов: nicht ein Umsturz, sondern ein Einsturz.

Прим. переводчика.

Веймарская конституция и действительность.

С формальной стороны в Германии действительно кое-что изменилось. Ибо со времени Веймарской конституции Германия номинально является демократией. По конституции государственная власть исходит от народа. Судьи—независимы и подчиняются только закону. Исключительные суды не допускаются, всякий должен судиться установленным по конституции судом. Военные суды отменены. Все немцы равны перед судом. Не допускаются посягательства на свободу личности. Арестованным не позже как на другой день должно быть объявлено, кем и на каком основании они арестованы. Гарантирована тайна письменных, телеграфных и телефонных сношений. Цензуры не существует. Школам поставлена задача нравственного и гражданского воспитания, выработки личной и профессиональной ценности в духе немецкой народности и международного уважения наций.

Когда читаешь эти прекрасные слова в тексте Веймарской конституции, то трудно сомневаться в том, что Германия—совершенно демократическая страна.

Но это—факт общеизвестный: из текста конституции нельзя, к сожалению, делать заключений о степени действительной демократичности страны. Если, напр., судить о генералах по их прокламациям, так они—

сущие ангелы и всем людям принесут райские дары. На деле же выходит не так. Для решения вопроса о степени демократичности страны нужно еще дальше принять во внимание инструкции об исполнении конституции, права полиции, дух администрации и прежде всего духовный склад самой страны. Тут сразу получается совсем другая картина.

Люди старого режима до сих пор пользуются в Германии большим уважением. Император считается мистической личностью, в крайних правых кругах могла даже сложиться легенда о том, что, подобно Христу, Вильгельм взял на себя грехи своего народа и принес себя за них в жертву посредством добровольного изгнания. Соответственно этому высоким уважением пользуются и члены его семьи даже в тех случаях, когда они запятнали себя грязным преступлением. Один из Гогенцоллернов провинился против ст. 175 улож. о нак. (гомосексуальность), другой опустился до скандала в трактире, третий запутался в темных денежных махинациях: все это признано по суду. А широкие массы народа все еще видят в них людей высшего ранга.

Республика крайне демократична по отношению к своим врагам. Сами Гогенцоллерны в 1866 г. ничуть не думали о выплате хотя бы одного гроша низвергнутому ими королю и князю, а просто выслали их за-границу. Немецкая же республика оставила за

Гогенцоллернами всю их частную собственность.

У них не отняли ни одного пфеннига даже в тех спорных случаях, когда было не ясно, чья эта собственность, государства или династии. Наоборот, каждый год добрый немецкий плательщик посылал свои миллионы в Амеронген, чтобы его император мог хорошо жить в изгнании и не был лишен возможности собирать силы для низвержения республики. Ни один из претендентов на трон не выслан из страны. Администрация еще не везде вычеркнула слова «королевский» и «императорский». Напр., на доме, где живет президент Вюртемберга, сохранилась еще вывеска: «королевское министерство иностранных дел». Берлинская академия наук все еше называется императорской.

Чтобы понять этот консерватизм, надо принять во внимание следующее.

Факты и убеждения.

Очень редко люди убеждаются фактами. Большею частью они предпочитают уходить от суровой действительности в сладкое царство сказки. Особенно это относится к таким случаям, когда общественное мнение складывается под влиянием газет, за которыми стоят могущественные интересы породнившегося с военщиной крупного капитала. Трудно пожертвовать долголетними убежде-

ниями. Поэтому ради сохранения немецкого престижа до сих пор не хотят признать, что немецкая армия была разбита союзными армиями всего остального мира. Более того: «тыл нанес фронту удар кинжалом в спину», народ, так сказать, предал генералов. Так, пустое национальное тщеславие оправдывает всю политику последних 50 лет. Наконец, нашли козла отпущения: тыл, его герои и жиды во всем виноваты.

Что республиканское правительство не открыло народу глаза, объясняется тем, что правительство само провоцировало борьбу с большевистской левой и не хотело слишком огорчать «людей порядка», на которых оно опиралось. В своем бессилии и своей близорукости правительство отрицало возможность военного мятежа и само вооружило своих противников, а рабочих, на которых оно могло опереться, разоружило. Мятеж Каппа потерпел неудачу не вследствие сопротивления буржуазии и интеллигенции—эти слои приветствовали мятеж,—а вследствие решительного сопротивления пролетариата и вследствие своей политической и технической неподготовленности.

Экономические причины такой психологии совершенно ясны. Основательно ли или неосновательно, это безразлично, немецкая буржуазия считала, что в опасности находится господствующий теперь экономический строй, на котором зиждется ее существова-

ние. В таком положении господствующий класс всегда выбрасывает за борт все свои принципы, раз только они мешают ему отстаивать свое положение. Точно также и третья республика во Франции вначале действовала в своей борьбе с коммунизмом по чисто военным соображениям. Низвержение коммуны стоило тысячам людей жизни, образование же коммуны только немногим.

Так и господствующие классы Германии не останавливаются ни перед каким нарушением демократических принципов, на которых основана их же собственная конституция, потому что, по их мнению, все еще не миновала опасность гражданской войны.

Версальский мир.

Существенным фактором внутренних отношений в Германии является империалистическая политика Антанты. Антанта поставила 5 октября вполне справедливо самые тяжкие условия перемирия побежденной императорской Германии. Но и после революции Антанта сохранила эти условия в силе и даже еще обострила их. Это было тяжким ударом немецкой революции. Ибо все мыслящие люди в Германии надеялись, что победившая Антанта сдержит свое слово, что война ведется не с немецким народом, а только с прогнившим насквозь феодализмом, угрожающим всеобщему миру. Большинство

немцев должно теперь относиться с недоверием к оппозици, говорившей, что справедливость на стороне Антанты. Антанта ничего не сделала, чтобы поддержать таких честных борцов за мир, как Эйснер. Тем самым она усилила реакцию в Германии и сама содействовала тому, что и после революци на главенствующих местах оставались часто люди старого режима.

После перемирия Антанта продолжала свою политику невозможных требований. Этим она отбила у Германии охоту выполнять возможное. Непомерные требования Антанты оправдывали в глазах немцев политику старого правительства, а это в свою очередь приводило: 1) к еще большему обострению требований Антанты и 2) к росту нового немецкого шовинизма.

Всего сильнее вызывались новые националистические настроения Версальским договором. Этому договору прежде всего нужно поставить в минус то, что это договор— продиктованный одной стороной. Он не столько приносит пользы Антанте, сколько вреда Германии. Идея попранного права никоим образом не удовлетворяется тем, что Эльзас-Лотарингия переходит к Франции якобы по историческому праву. Если бы был произведен плебисцит, то он выявил бы волю теперь живущего населения и заткнул бы глотку империалистическим крикунам в Германии. Познань и Зап. Пруссия отпали к

Польше тоже без народного голосования. Голосование же в Вост. Пруссии, где существуют такие же отношения, как и в тех двух провинциях, дало 95% голосов в пользу Германии. Данциг и Мемель отделены от Германии против их воли. Ойпен и Мальмеду отошли к Бельгии без плебисцита. Население имело бы право протестовать, но никто не протестовал, потому что никто не хотел быть высланным. Австрии запретили соединиться с Германией, хотя при плебисците подавляющее большинство населения высказалось за соединение с Германией. В Верхней Силезии затягивали решение вопроса три года; всякое решение было бы, может быть, лучше такой проволочки и обусловленной ею натянутости отношений между поляками и немцами.

В конце-концов Антанта уступила во всех пунктах, в которых она не должна была уступать, и не уступила ни в одном из тех, в которых она должна была уступить. Примером может служить вопрос о выдаче виновников войны. Антанта не должна бы ставить таких требований. Но раз она их поставила, то она должна была бы и провести их, ибо иначе она, возбуждая национальные инстинкты, не дает удовлетворения и попранному праву. В вопросе о разоружении Антанта могла бы действовать также решительнее. Наоборот, свои колоссальные расходы на оккупацию она могла бы гораздо

лучше употребить на восстановление разоренной войною Северной Франции. В своих экономических требованиях Антанта хотела от Германии невозможного, как это доказано катастрофическим падением курса марки. Но когда на Германию возлагаются несправедливые и невозможные тяготы, то этим самым играют на руку немецкому национализму.

Причины такого поведения Антанты.

В самой Антанте господство империалистов поддерживается серьезными экономическими затруднениями, от которых особенно страдает Франция и страхом перед тем, что действительно демократическая Германия усилит оппозицию внутри стран-победительниц. Антанта сама поддерживает немецкий милитаризм и делает это по трем соображениям. Прежде всего (в 1919 г.) из страха перед мнимым большевизмом в Германии, для борьбы с которым нужно-де войско. Затем известную роль играет известная теория современной английской политики о европейском равновесии. Наконец, французские милитаристы прекрасно понимают, что их собственное существование может оправдываться только существованием прусского милитаризма. Поэтому они естественно остерегаются уничтожить его совсем, чтобы не подрубить сучка, на котором они сами сидят.

Таким образом современное внутреннее состояние Германии вовсе не является результатом какого-то специфического немецкого духа, а имеет свои исторические причины. Каждый день такие причины снова возрождаются, с одной стороны, из опасений немецкой буржуазии за свое существование, а с другой—из поддержки, оказываемой Антантой немецким империалистам.

Баварская Советская Республика и мятеж Каппа.

Баварская Советская Республика.

После убийства Эйснера баварский центральный совет взял власть в свои руки и провозгласил 7 апреля 1919 г. советскую республику. Во время ее существования было убито 12 человек. В Бамберге сконструировалось заново министерство, которое собрало войска и 1 мая завоевало Мюнхен. При этом было убито 457 чел. (ср. выше).

Для суда над сторонниками советской республики 12 июля 1919 г. были созданы исключительные суды, так-называемые баварские народные суды. Им подведомственны почти все политические преступления. Эти суды— юридическое новшество, так как по конституции дела о государственной измене подлежат имперскому суду. Хотя ускоренное производство этих судов и отсутствие в них обычных судебных гарантий значительно увеличивают опасность судебной ошибки, здесь

не допускается ни права кассации, ни права апелляции. Новое возбуждение дела также не допускается. Следовательно, судебную ошибку никак нельзя поправить. По оффициальной справке, данной баварским уполномоченным фон-Нюсслейном в юридической комиссии рейхстага, за участие в советском движении было осуждено 2.209 человек, из них 65—на каторгу, 1.737—к тюремному заключению и 407—к заключению в крепости. По сообщению баварской «Государственной Газеты» от 20 февраля 1920 г., до этой даты, т.-е. за 6 месяцев, 25 народными судами было рассмотрено 5.233 дела. Так быстро работают эти суды. Из 12 убийств, совершенных во время советской республики, за 11 были наложены кары; вожди советской республики были убиты —часть по суду, часть без суда.

Мятеж Каппа.

13 марта 1920 г. Капп со своими балтийцами ловким маневром захватил Берлин.

Всеобщая забастовка принудила его к отступлению и потом к бегству. При отражении Капповского мятежа левыми было убито только 2 человека, если не считать павших во время уличных боев и беспорядков. Правыми же во время мятежа были убиты 74 человека. Что сам Капп является инициа-

тором этих 74 убийств, это ясно из следующего распоряжения:

«Зачинщики деяний, предусмотренных в приказе об обеспечении производства в предприятиях, имеющих общеэкономическое значение, и в приказе об охране работающих, равно как и пикеты стачечников наказуются смертью. Это распоряжение вступает в силу 17 марта 1920 г. в 4 ч. пополудни. Имперский канцлер Капп».

Затем Капп разослал следующую телеграмму по войскам:

«Прошу объявить всем командирам, что я лично принимаю на себя ответственность за решительные мероприятия по службе даже в том случае, если они под давлением обстоятельств будут нарушать существующие законоположения. Мне особенно важно, чтобы каждый немец и особливо каждый военный командир впредь, не боясь ответственности, делали больше, чем им предписывает мертвая буква долга».

После неудачи мятежа Капп бежал в Швецию, потом добровольно дал себя арестовать, но был отпущен из предварительного заключения вследствие необходимости произвести операцию и умер 13 июня 1922 г. от рака. Его родовое имение было передано его сыну, хотя его имущество должно было бы быть конфисковано. Жена Каппа получает ренту с имения.

Судебное преследование против соратника

Каппа Леттова-Форбекк прекращено. Единственным понесшим наказание из всех ближайших соучастников Каппа был фон-Ягов, приговоренный к 5-летнему заключению в крепости. Генерал Люттвиц потом даже требовал от правительства назначения ему пенсии. По этому поводу в рейхстаге был сделан правительству запрос: правительство ответило, что оно не дало никакого ответа, так как не получило еще документов по этому делу.

Сторонники Каппа, занимавшие высшие посты в администрации и в армии, оставлены на своих местах. Большинство вождей Капповского мятежа скрывались более года в Мюнхене и его окрестностях.

Капитан Эрхард получил сперва отставку с полной пенсией, Правительство не решалось что-либо предпринять против него. Только впоследствии был по крайней мере официально отдан приказ об его аресте. И тогда еще он мог вести переговоры с мюнхенским полицей-президентом Пёнером «о принятии на службу некоторых из его людей».

Правительство Каппа обещало его 3.000 солдат прибавку жалованья за дни мятежа по 7 марок в день, а за низвержение правительства Эберта особую награду по 50 марок на человека. Правительство Эберта выплатило эту сумму, всего 16.000 марок золотом.

Ни одно из убийств, совершенных каппистами, не понесло кары. Против каппистов не были созданы исключительные суды, как против сторонников советского правительства. Обычный же суд, в данном случае имперский суд, которому подсудны политические преступления, работал так медленно, что амнистия была дана прежде, чем большинство каппистов успели быть привлечены к следствию.

Величайшая несправедливость была допущена в проведении амнистии после поражения мятежа Каппа. По амнистии от ответственности должны быть освобождены только бессознательные участники мятежа. Вожди, зачинщики и подстрекатели не должны были подходить под амнистию. Поэтому суды в большинстве случаев не признавали вождями даже большинство генералов и министров, участвовавших в мятеже. При одновременных же эксцессах со стороны рабочих вождями признавались даже заурядные партийные работники, так что их можно было осуждать, несмотря на амнистию.

Имперский суд признал вождями мятежа только 9 человек. Какими же героями энергии должны быть эти люди, удержавшие в течение 8 дней власть над всей страной! Из 775 участвовавших в мятеже офицеров ни один не понес наказания. Все они, по мнению суда, не были вождями, а только соучастниками.

Ни у одного из этих офицеров не нашлось настолько чувства ответственности, чтобы протестовать против такой квалификации. Ни один не заявил: «Если про меня говорят, что я слепо принял участие в таком деле, как мятеж, что я принял участие по неразумию, что я не сознаю своих обязанностей, то этим отрицают вообще мое офицерское достоинство. Я отвечаю за свои действия». Только один штатский нашел в себе мужество поступить таким образом, да и то только после бегства заграницу. Когда же Капп добровольно явился, то он уже по исходу процесса фон-Ягова знал, что ему не придется нести почти никакого наказания.

Другая несправедливость дарованной тогда амнистии заключается в том, что амнистии подлежат только деяния, направленные против всей союзной республики в целом. Баварская же советская республика считалась предприятием, направленным против одной Баварии, и потому не была подведена под амнистию, хотя советская республика прервала сношение с остальной Германией и дала приказ баварскому посланнику в Берлине сложить свои полномочия. Таким образом сторонников советской республики засадили в тюрьму, а сторонников Капповского мятежа амнистировали.

Интересно следующее. По поводу Капповского мятежа президент Эберт издал 19 марта 1920 г. приказ «о восстановлении

общественной безопасности и порядка». Этот приказ вводил в действие чрезвычайные военные суды, но не против Каппа и его сторонников, а против участников мелких беспорядков слева. Против Капповского же мятежа не нашли нужным прибегать к помощи исключительных судов.

Следующее сопоставление дает наглядное сравнение судьбы сторонников Капповского мятежа и сторонников Баварской Советской Республики.

Судьба Капповского правительства:

1 — приговорен к заключению в крепости на 5 лет.

1 — амнистирован.

1 — умер (Капп).

16 — находятся на свободе.

Судьба Советского правительства в Баварии:

1 — расстрелян.

5 — приговорены к каторжным работам.

46 — приговорены к заключению в крепости, общий срок заключения: 135 лет 2 мес.

Судьба Капповских офицеров:

Все оставлены на свободе.

Судьба красноармейцев Советской Республики

Двое расстреляны, 70 чел. приговорены к различным видам заключения, всего на $276^1/_2$ лет.

Сторонники Каппа в провинции:

Никто не понес наказания.

Сторонники Баварской Советской Республики в провинции:

60 человек понесли наказание, будучи приговорены в общей сложности к заключению на 204 года и 2 мес.

Заявления правительства по поводу политических убийств.

Позиция, занятая министром юстиции.

Проф. Радбрух в заседании рейхстага 5 июня 1921 г. высказался, ссылаясь на мою брошюру, за наказание политических убийств. Когда он сам стал министром юстиции, он написал мне следующее письмо:

«Благодарю вас за присылку мне 4-го издания вашей брошюры. Уже мой предшественник вступил по этому поводу в сношения с министерствами юстиции в Пруссии, Баварии и Мекленбурге. По сообщению названных министерств, по целому ряду упомянутых в брошюре случаев ведется следствие, в других случаях, на основании данных вашей брошюры, вновь поднят вопрос о том, насколько достаточен материал для судебного вмешательства. Я с своей стороны обратил внимание министерства юстиции на расширенное содержание нового издания вашей брошюры и просил сообщить мне вкратце о

положении дела и ходе судебного следствия в отдельных случаях: о результатах я предполагаю сделать сообщение в рейхстаге.

На стр. 50 четвертого издания вашей брошюры вы для характеристики возбужденного против Каппа судебного преследования указываете на то, что министр юстиции Гейнце сказал в заседании рейхстага 27 января с. г. следующее: «Будет предпринята конфискация имущества Каппа». Во избежание недоразумений позволю себе привести точную справку по протоколам рейхстага. В стенографическом отчете слова министра записаны буквально так: «Против Каппа и других участников в противогосударственном предприятии возбуждено судебное дело. Изданы приказы о розыске и аресте их, сделано распоряжение о наложении секвестра на имущество и, само собой разумеется, приняты необходимые меры для проведения этого секвестра

Д-р Радбрух».

Из этого письма следует, что в ответ на мое утверждение, что совершенные за 3 года в Германии 300 политических убийств остались безнаказанными, министр возражает только то, что я неверно цитировал речь его предшественника. Эта ошибка, конечно, исправлена.

Коммунисты снова внесли в рейхстаг интерпелляцию Радбруха, когда сам Радбрух

стал министром юстиции. Три депутата: Плеттнер, Гоффманн и Бартц запросили 14 сентября 1921 г. правительство в порядке кратких вопросов следующим образом:

«Э. И. Гумбель в своей брошюре приводит сводку политических убийств с 9 ноября 1918 г. Г-н Гумбель констатирует, что правыми совершено за это время 314 убийств. Он называет 26 человек, на которых ложится сильное подозрение в поощрении и подстрекательстве к убийству, и 35 человек, на которых ложится весьма сильное подозрение в совершении убийства. Далее г-н Гумбель констатирует, что до сих пор не наказан ни один из политических и военных соучастников Капповского мятежа, тогда как участники Баварского Советского Правительства наказаны несколькими расстрелами и 519½ годами заключения в крепости.

«В заседании рейхстага 5 июля 1921 г. депутат Радбрух передал названную брошюру министру юстиции с открытым формальным требованием войти в рассмотрение отдельных требований и о результатах расследования дать справку.

«Мы запрашиваем: сделало ли правительство распоряжение о расследовании приведенных в брошюре Гумбеля фактов согласно приведенного требования?

«К каким результатам привело расследование?

«Что думает предпринять правительство

против прокуроров и судей, которые, вопреки великому судебному беспристрастию оправдывают обвиняемых и прекращают начатые судебные дела?»

На этот запрос от имени правительства отвечал в рейхстаге советник министерства юстиции и комиссар правительства Вернер. Он сказал следующее: «Судебное преследование за деяния, изложенные в брошюре «Два года убийств», лежит вне компетенции органов общего министерства юстиции. Но министр юстиции обратил на эту брошюру внимание министерств юстиции в Пруссии, Баварии и Мекленбурге. По полученным оттуда сообщениям, по целому ряду указанных в брошюре случаев ведется дело. По отношению к другим случаям в местных министерствах юстиции возбужден вопрос, дают ли сделанные в брошюре указания новое основание для судебного вмешательства».

После этого депутат Бартц спросил еще: «Может ли правительство сообщить, в каких именно случаях начато дело?» Но президент Лёбе прекратил дискуссию: «Слова больше не дается, вопрос исчерпан».

Таким образом правительство распорядилось о расследовании, и результат получился такой: правительство не может утверждать (что оно, наверное, охотно сделало бы), что хотя бы один единственный из сообщенных мною фактов оказался неверным. Тем са-

мым подтверждается правильность моих утверждений.

Обещанный г-ном Радбрухом 3 декабря 1921 г. доклад рейхстагу до сих пор не сделан. Когда автор этой брошюры сказал на одном собрании, что доклада никогда и не будет, г-н Радбрух прислал следующее письмо:

«Берлин, 2 мая 1922 г.

«По газетным сообщениям, в народном собрании, созванном союзом «Новое Отечество», 27 апреля с. г. вы сказали, что хотя я и обещал сделать доклад о фактах, сообщенных в вашей брошюре, но что доклад этот никогда не будет сделан. В противоположность этому утверждению я на основании документов могу сообщить, что мною предприняты шаги к тому, чтобы представить в рейхстаг доклад о положении дела и ходе следствия в отдельных случаях; поэтому я рад буду принять вас в ближайшее время. О времени прошу сговориться предварительно по телефону.

Д-ф Радбрух».

Когда автор этой брошюры посетил г-на Радбруха, то он с достойной признания откровенностью показал подготовительные работы к докладу. Все утверждения моей книги нашли официальное подтверждение. Более того: действительность значительно превосходит сообщенное мною. *И как раз поэтому*

автор этих строк более, чем когда-либо прежде убежден, что обещанный доклад никогда не появится вопреки добрым намерениям министра.

* * *

Брошюра «Два года убийств» была разослана ко всем прокурорам Германии, в участках которых произошли убийства.

Из 35 прокуратур 26 ничего не ответили. Среди них особенно следует отметить мюнхенскую прокуратуру, в районе которой произошло большинство описанных фактов. Из ответивших же одни ограничиваются указанием на неподсудность, другие просто отказываются дать справку, третьи подтверждают правильность приведенных мною данных. В существо же дела не входит ни один из ответов. Ни один прокурор не пытался опровергнуть правильность моих сообщений. Но и ни один ничего не предпринял на основании моей брошюры, не возобновляя старых дел и не начиная новых. 330 политических убийств, из которых 4 совершены левыми, а 326 правыми, остаются безнаказанными.

Организация политических убийств.

„Я думал, что организация убийц— это только иллюзия, плод расстроенного воображения некоторых людей. С глубоким волнением я должен констатировать, что я не могу более держаться такого взгляда".

Депутат Штреземан в рейхстаге 5 июля 1922 г.

Как показано выше, за последние годы целый ряд выдающихся вождей крайней и умеренной левой, вплоть до рядов центра лишены жизни преступным образом, тогда как никто из вождей крайней правой не был убит. Вообще левыми радикалами совершено только немного убийств, а правыми радикалами— очень много. Убийства эти очень разнообразны. Каждое имеет свои особенности. Тем не менее убийства, совершенные правыми, можно свести к трем типам, которые сменяли друг друга с течением времени.

Неорганизованные убийства.

Начинается восстание левых или провоцируется умышленно. (Тип—1919 г.). Над подавлением его работают совместно гра-

жданская милиция, студенческие корпорации и отряды добровольцев. При таких обстоятельствах во имя «спокойствия и порядка» расправляются с известными лично или по доносу добрых знакомых республиканцами: это—спартаковцы, долой их!

Войска—потому ли, что они бывают часто в нетрезвом состоянии, или разъяренные лживыми известиями, совершают ряд ужасов. Почти всегда в этом участвуют офицеры.

Буржуазная публика, так-наз. общественное мнение, трепещет за свою священную собственность и видит только ту опасность, которая грозит ей слева. Но она остается холодной к правонарушениям, состоящим в убийстве якобы участников восстания, в действительности же большею частью совершенно непричастных людей. Эта публика не придерживается того взгляда, что всякий участник восстания имеет право на своего судью и не может быть попросту убит каким-нибудь лейтенантом. Ведь это—абстрактное положение, не имеющее ничего общего с охраною собственности.

Это, так сказать, кустарное убийство действует только в низах, в ограниченном районе. Оно не простирается на республиканцев крупного калибра. Для этого нужен иной лучший метод—метод крупного производства.

Убийства, организованные наполовину.

Мятеж правых искусно используется для неприкрытых убийств. Стараются все-таки поддержать фикцию: распространяют слухи, что готовится восстание левых и что против этого нужно помочь законному правительству. А потом действуют, как выше указано. Но тогда как при неорганизованных убийствах убивают по произволу кого попало, тут стараются выбрать «настоящих». Этой цели служат заранее подготовленные тайными организациями списки. Убийцы не стали менее кровожадными и не останавливаются перед массовыми убийствами, они только стали действовать планомернее. Сопротивляющихся «возрождению», «правительству труда» устраняют «на основе изданных законов». Если мятеж удастся—тем лучше; если не удастся, то суды позаботятся о том, чтобы с убийцами ничего не случилось. И действительно—об этом они позаботились. Ни одно убийство, совершенное правыми, в действительности не наказано. Судебное дело даже против сознавшихся в убийстве прекращается на основании амнистии после Капповского мятежа.

Оба эти метода убийств пригодны не во всякое время: в спокойное время они не пригодны. Они являются предварительной

работой. Это—фундамент к настоящей цели: смерть всем республиканцам. И в то же время это—методы постройки организации.

Высоко-организованное убийство.

Всего больше обращают на себя внимание убийства, совершенные в совершенно спокойное время, где не было ни действительного, ни мнимого восстания левых. Здесь уже не приходится ничем прикрываться. Тут можно занять только одну из двух позиций.

Сперва говорят, что убийству не стоит придавать так много значения. Этот человек был сумасшедший, он страдал манией преследования, верил, что в один какой-нибудь день его убьют. Разве это не достаточно доказывается тем, что он предвидел свой будущий жребий. Видно, что за люди эти левые. Лишая убитого единственного его имущества—его доброго имени, снимают с себя всякую ответственность таким оскорбляющим убитого извращением истины. Правительство естественно обещает строгое расследование. Время от времени в газеты поступают краткие сообщения о том, что следствие идет нормально. Газеты между тем наполняются новыми политическими проблемами и поднятый ими шум стихает. Продолжают плакать только некоторые крикливые газеты. Убитого понемногу забывают.

Или—другой способ: убийство уже заранее стараются сделать популярным. Жертву убийства стараются в глазах публики скомпрометтировать так, чтобы убийство казалось шагом к освобождению, чтобы на него смотрели как на геройский поступок. «Наконец-то Германия освободилась от человека, который принес столько несчастья своему отечеству». Нужна тонкая работа, высокая культура, блестящая подготовка и планомерное действие, чтобы доканать намеченную жертву. Такое убийство стоит двух. Отсюда объясняется систематическое натравливание на убийство в прессе: «Этот человек—вредный. Его нужно убрать. Делу поможет только единый национальный фронт». Так облаивает его пресса, пока об этом не будут знать все до последнего.

Существуют ли организации убийц?

Таких организаций в собственном смысле слова, т.-е. ставящих себе единственною целью политическое убийство, в современной Германии, вероятно, не существует. Но существуют организации, допускающие политическое убийство, как побочную цель или как средство к цели. Настоящие их цели—националистические. Они соединяют в одно три цели. Первая цель—монархическая. Поэтому эти организации борятся против республики и прежде всего против ее предста-

вителей. При этом различные организации не могут сговориться между собою ни о форме будущей монархии (абсолютная или конституционная), ни об ее объеме (единая Германия или возвращение всех старых монархов), ни о личности будущего монарха (Виттельсбах или Гогенцоллерн). А главное— нет популярного кандидата на трон. Это счастливое обстоятельство, может быть, спасет республику аналогично Франции в 1870 г.

Вторая тенденция — империалистическая. Версальский мирный договор расчленил Германию и отнял от нее области с немецким населением. Поэтому вполне могут быть оправданы стремления к обратному присоединению оторванных от Германии вопреки воле населения областей и к улучшению экономического положения Германии. Но, выходя за эти цели, националистические союзы стоят за определенно империалистическую политику и проповедуют войну мести.

Третий корень этого движения — антисемитизм. Он исходит из совершенно преувеличенных представлений о значении и влиянии евреев.

Оффициально не всегда признаются эти три программные пункта. Перед общественностью они прячутся за другие цели: профессиональные, политические, научные и культурные. Некоторые организации строго придерживаются фикции политической ней-

тральности. Офицеры старой армии везде играют большую роль.

Все три движения большею частью смешиваются друг с другом. Большинство тайных союзов одновременно являются монархическими, империалистическими и антисемитскими. Склонность к крайным выводам приводит к вере, что убийством политического противника можно победить и защищаемые им идеи.

Другой принципиально иной корень политического террора—это иногда весьма настоятельная необходимость устранить неудобных, слишком много знающих людей, со стороны которых можно опасаться предательства.

Коммунистические тайные организации.

Нельзя оспаривать и того, что существуют тайные коммунистические организации. По психологии этой партии, вызвавшей, напр., мартовское восстание 1921 г., в их существовании едва ли можно сомневаться. Где такие организации действительно существовали, там играли большую роль шпионы и провокаторы правых партий. Это зависит от того, что партия вообще густо насыщена шпионами. В Мюнхене даже среди активных партийных работников находились сотрудники полиции.

Во многих же случаях сообщения о тайных коммунистических организациях просто

выдуманы по известному методу: «держите вора!» Для распространения таких сведений служат немецким националистам их собственные бюро известий.

В этом в последнее время принял участие и человек, от которого таких вещей собственно нельзя было бы ожидать,—генерал Людендорф. В одном интервью с берлинским корреспондентом „Daily Express“ он сказал: «Убийство Ратенау находит себе объяснение в том факте, что убийство немецких министров уже более года тому назад было решено в коммунистических организациях. В серьезных политических кругах никаких организаций, прибегающих к убийствам, не существует». Доказательств этому утверждению Людендорф представить не пытался.

Я не буду отрицать возможность тайных коммунистических организаций. Вероятно, они приносили и политический вред. Но верно то, что они не ответственны ни за одно политическое убийство.

История тайных организаций.

Тайные организации выросли на почве немецкой патриотической партии. После революции они консолидировались в виде официально неполитических гражданских советов, гражданской милиции и добровольческих отрядов. Самым большим центром концентрации, из которого тайные организации

выростали, как грибы, была балтийская авантюра. Под начальством мнимого князя Авалова-Бермондта и графа фон-дер-Гольца образовались армии, напр., железная дивизия, выпускавшая даже собственные бумажные деньги (обеспечивавшиеся принадлежавшими немецкому правительству запасами оружия). Надежда получить землю побуждала много домобилизованных солдат к записи в союзы, открыто поддерживавшиеся немецким правительством. После позорной неудачи похода, предпринятого сперва против большевиков, а потом против латышского правительства, балтийцы возвратились в Германию. Они дали основу для мятежа Каппа, который был тоже инсценирован под фиктивным предлогом борьбы с большевиками. Едва был ликвидирован этот мятеж, как правительство Эберта, принужденное к бегству от восставших войск, призвало эти самые войска к борьбе против рабочих в Рейнской провинции. Понятно после этого, что участвовавшие в Капповском мятеже войска считали мятеж совершенно легальным.

Добровольческие отряды были распущены большею частью под давлением Антанты. Однако, это не всегда проходило гладко. Так, напр., в июне 1920 г. в Зоэсте должна была быть распущена пулеметная рота «Либава» (тоже одно из балтийских формирований, переброшенное с ноября 1919 г. в Германию). Она оказала сопротивление, и дело дошло

до перестрелки с имперским ополчением, при которой было убито пять солдат имперского ополчения и много ранено. Дело разбиралось в военном суде в Мюнстере. Балтийцы заявили на суде, что они думали, что перед ними—большевики. Они были оправданы на основании этой галлюцинации.

Сопоставьте с этим приговором следующий: один солдат, по имени Кайзер, самовольно ушел из добровольческой бригады Эрхарда из-за побоев офицера. Он был приговорен на 6 недель тюремного заключения. На сделанную по этому поводу в прусском ландтаге интерпелляцию правительство ответило, что наказание наложено правильно, так как морская бригада капитана Эрхарда есть войсковая часть в смысле военного кодекса о наказаниях.

По биографиям отдельных лиц можно проследить весь процесс образования нелегального движения. Большинство участников движения, поскольку они известны, не участвовали в войне, потому что они были тогда еще слишком молоды. Некоторые служили в вспомогательных войсках или в юношеском ополчении. Потом они вступили в гражданскую милицию, боролись в добровольческих отрядах с Баварской Советской Республикой, потом участвовали в балтийской авантюре, проделали с Каппом его мятеж и в конце-концов мы находим их в отрядах самообороны в Верхней Силезии.

Верхняя Силезия.

Движение имеет два центра: Верхнюю Силезию и Мюнхен. Оба связаны между собою теснейшим образом. Так, напр., добровольческий отряд «Горной Страны» «бился» и там, и тут.

По Версальскому договору, в Верхней Силезии должен был состояться плебисцит. Однако, Антанта откладывала время голосования с одного месяца на другой. Так образовалось чрезвычайно напряженное положение. В результате—три польских восстания. Польское правительство оффициально отрицало всякое свое участие в них. Однако, можно с полной уверенностью принять, что оно в тайне благоприятствовало стремлениям создать там «совершившийся факт» на подобие Познани и Вильно. Первое восстание было подавлено немецкими войсками. С обеих сторон были совершены при этом неслыханные жестокости. При втором восстании немцы создали собственные организации, так - наз. самооборону, которая, как первоначально предполагалось, должна состоять только из местных жителей, но потом получила обильное пополнение и из других частей Германии. Скоро перешли к тому, что стали бороться и против тех немцев, которым основательно или неосновательно приписывалась склонность к интернационализму.

Были произведены убийства и среди оккупирующих войск.

Из большого материала по этому делу мы хотели бы привести только несколько типичных случаев.

Д-р Милецкий из Каттовиц был убит 17 августа 1919 г. за оказание помощи раненым полякам. В Галлимбе 17 августа 1919 г. были убиты двое рабочих «при попытке к бегству». В конце мая 1920 г. владелец гостиницы „Deutsches Haus“ Валенжик был приведен из тюрьмы домой под конвоем полицейских агентов Фишера из Бернбурга, Иосифа Бумпа из Карлскроны и конюха Э. Зейрера из Пазинга. Во время оккупации в гостинице Валенжика квартировало французское интендантство. По приказу добровольческого отряда «Горная Страна» Валенжика вывели в лес, где он был убит Бумпом.

30 июля 1920 г. трое арестованных тем же добровольческим отрядом был уведены в лес и расстреляны. Это были: Карл Гёрлиц, Степан Штелльмах и Кауерт, кажется коммунист, бывший вольноопределяющийся австрийского батальона. Трупы убитых были ограблены. Расстрел совершил Мусевейлер (он же Вайланд).

30 июня 1921 г. был убит «при попытке к бегству» член фабричного комитета шахты «Бисмаркхютте» Бруно Бохнмек. Напомним далее о нападении в Петерсдорфе, где между прочими был убит шпион Зейхтер. В самое

последнее время также происходили самосуды самообороны. В Оппельне, Глейвице и других местах Верхней Силезии женщин, которые во время оккупации были в близких сношениях с французами, раздевали до гола, брили, мазали дегтем и гнали плетьми по улицам.

Баварский партикуляризм.

Очагом этого движения является Мюнхен. Исключительное положение, сохранившееся там несколько лет, и исключительные суды (то и другое было направлено исключительно против левых) в высшей степени благоприятствовали возникновению и преступной деятельности тайных организаций.

Длительная борьба против империи *) в значительной степени имела целью охраны тайных организаций. Ибо они—главные носители монархической пропаганды, и потому им очень покровительствует правительство Карла и Лерхенфельда, которое по существу тоже монархическое. Мнимая старо-баварская традиция баварского правительства

*) Германия после революции, приняв республиканскую форму правления, попрежнему называется „Reich“, империей. Это слово в немецком языке означает только высшую государственную власть или территорию государственной власти и не связывается непременно с монархическим возглавлением государства. Точно также и в древнем Риме выражение imperium Romanum—Римская империя—существовало еще при республике, до императоров.

Прим. переводчика.

есть фикция, так как прежде Бавария никоим образом не была чисто монархической страной. К этому нужно еще прибавить, что главными вдохновителями баварской вражды являются в действительности Людендорф и другие генералы прежнего верховного командования армией, которые сами вовсе не баварцы.

Со времени рейхенгальского съезда русских монархистов они тоже начинают играть некоторую роль в Баварии. В общественной жизни они, разумеется, открыто не выступают.

Господствующее в настоящее время настроение в Баварии лучше всего характеризуется тем, что написал известный католический ученый декан регенсбургского собора Кифели об убийце Эйснера графе Арко в предисловии к своей книге «Католицизм и современная мысль». Там мы читаем: «Наш юный герой, который своим самопожертвованием и идеализмом может зажечь в нашем народе светильник новой жизни». Портрет Арко выставлен в окнах многих магазинов. На его родине были выпущены даже боны с его портретом, но их скоро изъяли из обращения.

Названия тайных организаций.

Рассмотрим эти организации по отдельности.

„Союз Сопротивления“ — по существу антисемитский, внешнеполитических задач он не

подчеркивает. В его рядах—много террористов. Число членов приблизительно 200.000.

„Пангерманский союз“—по существу монархический. Он хочет через диктатуру проложить путь монархии. Во внешней политике он аггрессивен, особенно против Франции и Польши. Число членов—около 80.000. Мятеж Каппа—дело его рук.

„Орден молодой Германии“ в противоположность двум предшествующим организован по-военному и несомненно имеет тайные склады оружия. Его члены—должно быть около 80.000—дают присягу. Он делится на разные товарищества.

„Стальной Шлем“ насчитывает 300 местных групп и около 25.000 членов.

Спортивный клуб *„Олимпия“* представляет из себя попытку сохранить распущенный полк Рейнхарда.

„Орка“ (организация Канцлера) стоит в тесных отношениях с прежним баварским министром-президентом фон-Каром и бывш. кронпринцем Рупрехтом. Она возникла из тирольского отделения Оргеша.

„Звено немецкого оружия“—союз националистических студенческих организаций.

„Союз свободы и порядка“—попытка сохранить распущенную самооборону Берлина и его предместий.

„Оргеш“ и добровольческий отряд *„Горная Страна“*—специфически баварские организации, несомненно имеющие склады оружия.

В «Горной Стране»—членов немного, около 2.000, в Оргеше—может быть 200.000.

Лучше всего организованы „*товарищества*“: это небольшие прежние отряды, осевшие целиком в каком-нибудь большом имении. Самое известное из них—товарищество Россбаха, составившееся из частей добровольческого отряда того же имени. Штаб его скрывается под фирмой «Немецкое бюро справок и сыска» в Ваннзее под Берлином. В Мекленбурге оно называется «Союзом профессионального образования сельскохозяйственных рабочих». Существует много других таких же организаций.

Организация „*Каменных Братьев*“ образовалась 6 июля 1921 в Лейпциге на том же самом собрании, на котором было объявлено о роспуске местной организации Оргеша. Организация финансируется промышленниками и буржуазией. Она зарегистрирована в законном порядке. 2 ноября она владела капиталом в 700.000 марок. Отставной майор Шнейдер был руководителем самообороны, сменившей собою организации Оргеша и «Гражданских Союзов». Учитель дополнительной школы Эберсбах устроил для этой организации в Куннерсдорфе у Франкенберга склад оружия, в котором было свыше 600 винтовок и 4 пулемета. Склад этот был конфискован 27 октября 1921 г.

„*Бригада Эрхарда*“ имела свое отделение в Саксонии в клубе студенческого союза «Са-

ксония», в Лейпциге. К ней примыкало «Рыцарство Цоллерн», тайная организация молодежи в Лейпциге. Брат Тильэссена, одного из убийц Ратенау, поддерживал в ней связь с организацией «С».

Спортивный союз „*Серебряный Щит*“ заменил собою распущенную военную организацию временных добровольцев. В этом союзе было свое военное начальство; он примыкал к Оргешу.

Социальная структура тайных союзов.

Многие из этих организаций исчезают после кратковременного существования. Возникает ряд новых. Это кажется лишенным всякого плана хаосом, но на деле объясняется очень просто. Постоянное дробление организаций, исчезновение одних и возникновение новых имеет целью замаскировать положение. В случае запрещения это помогает сохранить организацию под другим именем, благодаря этому можно отрицать связь организаций друг с другом и можно удалять проникающих в организации шпионов. Связь между руководящими центрами и периферией часто бывает весьма слабой. Руководящие центры всегда должны иметь возможность отрицать такую связь.

Как поддерживается эта слабая связь при строгом взаимном доверии, показывает

покушение на Гардена *); в этом случае отдельные организации сносились друг с другом только письмами до востребования, так что главарь покушения знал только по названию ту организацию, которая посылала ему деньги. Связь установлена так хорошо, что властям не удалось открыть, кто инспирировал и финансировал убийство Ратенау. Арестовали повара, но не нашли кухни, в которой заварилась эта каша.

Большая часть организации состоит из юношества. Студенты, даже гимназисты составляют главный контингент членов. 17-летние гимназисты оказывали очень существенные услуги убийству Ратенау. Так как дети в наше время, несмотря на социал-демократических министров народного просвещения, учатся все еще по старым учебникам, приспособленным к монархии, они естественно усваивают себе то убеждение, что монархия есть единственно правильная форма правления, республика же—печальное заблуждение, которое нужно поскорее исправить. Юные террористы действуют, поэтому, bona fide и считают себя борцами за свободу, истинными последователями Гармодия и Аристлитона и Брута, когда они убивают

*) Максимилиан Гарден, редактор-издатель „Zukunft", один из популярнейших журналистов Германии. Прекрасный стилист, публицист, умеющий всегда угождать широкой публике, Гарден был в начале войны крайним националистом и консерватором, а в конце войны—пацифистом и республиканцем.

Прим. переводчика.

кого-нибудь из немногих республиканцев Германии.

Исходя из большего числа таких организаций, не следует делать вывода, что все эти организации самостоятельны. Большею частью они состоят из одних и тех же людей. Один человек под различными именами часто состоит членом в 10 таких организациях. Общее число членов нелегальных и полулегальных немецких националистических организаций, вероятно, не превышает $^1/_4$ миллиона. Что же касается вооружения, то самое большее имеется у них 150.000 винтовок с патронами по 10 на каждую, 2.000— легких и 500 тяжелых пулеметов. Орудия едва ли имеются в сколько-нибудь значительном количестве.

Совершенно темным остается вопрос, кто дает им деньги. Нужно предполагать, что крупные промышленники и помещики. Об отдельных денежных источниках ничего не удалось узнать. Было только установлено получение отдельных небольших сумм, напр.:

Отставной майор Гансен организовывал в Пруссии гражданскую милицию, а потом получил назначение на соответствующее место в имперское ополчение. Члены гражданской милиции были застрахованы в двух частных страховых обществах. Полученные от них деньги в общей сумме 60.000 марок Гансен использовал, как тайный фонд для организации Капповского мятежа. На

Гансена поступил донос, что он давал взятки, но он был оправдан в этом обвинении окружным судом.

Как легко собирать деньги для контрреволюционных организаций, показывает следующий случай. Когда капитан-лейтенант Киллингер из организации «С» (он был начальником Тилессена и Шульца, убийц Эрцбергера) был арестован по подозрению в участии в убийстве Эрцбергера, то его прежний деньщик Рабеншлаг отправился к генерал-майору Крисмару во Фрейбурге, потом к майору Гильдебранду в Оберкирхе, майору Фрелиху и полковнику фон-Пильгриму в Карлсруэ и собрал 22.000 марок якобы для помощи арестованному Киллингеру и устройства его побега. Деньги Рабеншлаг истратил на себя. В связи с этим началось судебное дело против Рабеншлага по обвинению его в мошенничестве. Названные офицеры отказались давать показания. Против них никакого обвинения не возбуждалось, а Рабеншлаг был приговорен за это и другие мошенничества к 4 мес. тюремного заключения.

Доставка подложных документов.

Интересный материал для характеристики нелегальной деятельности немецких националистических организаций дает показание Рунге. Там мы читаем следующее:

«19 мая 1921 г. меня выпустили из тюрьмы. Ко мне на квартиру пришли полицейский комиссар и один ротмистр, фон-дер-Зипо. Они заявили мне, что сегодня же ночью мне нужно уйти из своей квартиры, потому что спартаковцы могут явиться и повесить меня. Меня под чужим именем отвезли и поместили в клинику проф. Грауэрта. Тем временем был арестован лейтенант Крулль. Меня стали искать, как свидетеля по его делу. Ко мне в клинику пришел д-р Шиффер, член национальной партии. Он в довольно резких выражениях запретил мне давать свидетельские показания по делу Крулля и принес мне фальшивые документы на имя сержанта Вильгельма Фр. Рудольфа из Познани. Первым документом было демобилизационное свидетельство, подписанное морским обер-лейтенантом Зелигером со штемпелем морской дивизии Балтийского флота. Второй документ—послужной список на то же имя и с тою же подписью. Третий документ—аттестация на имя Рудольфа, выданная из штаба 7 армейского корпуса, в Мюнстере 15 июня 1921 г. и подписанная капитаном Шоленом. Из клиники меня по-просту не пустили домой, а послали в сопровождении лейтенанта фон-Грабова в Бланкензее. Потом меня переправили в Мекленбург, все под тем же фальшивым именем Рудольфа.

«Между тем меня продолжали разыскивать, как свидетеля по делу Крулля. Были приняты

все меры к тому, чтобы меня не нашли. Тогда следователь по делу Крулля приказал сообщить мне через моего пасынка, чтобы я заявил о своем местопребывании. Я получил об этом сообщение в Мекленбурге в имении Кильзова в округе Висмар. Там расположилась одна военная организация. Члены ее под видом сельскохозяйственных рабочих разместились по соседним имениям, чтобы в случае надобности можно было быстро собраться и выступить, как войсковая часть. Руководителем организации был майор Вебер. Я пошел к нему и сказал: «Я еду в Берлин, я все больше запутываюсь в дело». Меня отпустили в Берлин, но дали мне в сопровождение трех офицеров: лейтенантов Бендера, Фусса и Далльвица. Они не спускали с меня глаз. Они привезли меня в Ваннзее под Берлином, где находится бюро товарищества Россбаха. Там лейтенант Россбах и другие офицеры пытались оказать на меня давление в том смысле, чтобы я молчал о деле и просто заявил следователю, что Крулля не знаю и решительно ничего не помню. За это мне обещали хорошее место. В таком смысле я и дал показание под их давлением, о чем я сожалею теперь. Присяги я не давал. После этого меня должны были послать в Силезию также в товарищество Россбаха, но в Силезию я не поехал».

Добровольческий корпус «Горная Страна».

Главным организатором этого корпуса является капитан фон-Кессель (он же Кифер). Он заведует также и бюро известий в Мюнхене. Кроме главного бюро у него есть различные специальные отделения, напр., своя контр-разведка, операционное отделение, бюро внутреннего наблюдения за ненадежными членами и устранения их, шпионское отделение против политических противников. Кроме того существует подвижная команда, называемая в Верхней Силезии перекидной командой; в ней участвуют только самые надежные офицеры. Во главе ее стоит капитан Эстеррейхер. Это отделение, должно быть, и есть организация убийц в собственном смысле слова. Очень трудно получить подробности об этой хорошо функционирующей организации, так как даже члены одного отделения не соприкасаются друг с другом. Для передачи распоряжений имеются специальные люди в разных отделениях. Это большею частью бывшие офицеры.

В уставе организации говорится: «Мы никогда не распустим своей организации, никакое приказание врага никогда не заставит нас сложить оружие, а вместе с ним и нашу честь». Каждый член организации дает честное слово сохранять верность организации и послушание ее вождям до смерти.

«Изменяющие честному слову и предатели подлежат тайному суду». Эмблема организации: кинжал в дубовом венке, перевитом черно-бело-красной лентой.

Интересна телеграмма, отправленная 4 сентября 1921 г. из Мюнхена на имя тайного советника Бергера. Там, между прочим, есть такие фразы: «Уголь и сообщения получены. Прошу без промедления провести следующее: кроме Никке и Бюркмайера всех тотчас отпустить согласно плана или откомандировать сюда. Уволенный Степан шпионит у Найссе. Последнего осведомить, первого послать в могилу *). Переговоры вести твердо, спокойно и тактично. Не уезжать, пока цель не будет вполне достигнута и N. Z. не будет передвинута возможно дальше. Об исполнении прошу донести».

Никке—казначей Людвиг Никке из Мюнхена. Он попал в Бреславле в тюрьму за утайку 80.000 марок. Доброволец Степан рассказывал, что он сообщил комиссару уголовной полиции Нейссе о своем желании информировать его о добровольческом корпусе. Это стало известным в центре организации, отсюда приказ—послать его к «Tiefstein». Это означает приказ отделению организации убить Степана. Выражение про-

*) Умышленная двусмысленность, непередаваемая на русском языке: „Zu Tiefstein schicken". Tiefstein может означать и фамилию, и лежащий в земле камень—см. ниже.

Прим. переводчика.

изошло от такого случая. Отделение «Фридрих» этой организации убило за предательство своего члена Гохштейна и потом, как острота над убитым, появилось это искажение фамилии. Телеграмма была напечатана в мюнхенской социалистической газете, которая, конечно, получила сейчас же официальное опровержение от организации.

Кессель был арестован 1 октября 1921 г. по приказу Бреславльской прокуратуры по подозрению в убийстве, но сейчас же освобожден. 23 декабря 1921 г. следователь вторично провел в Бреславле приказ об его аресте. Но на этот раз Кессель, разумеется, успел исчезнуть за тридевять земель.

Один тайный циркуляр этой организации, изданный на случай восстания правых, бросает свет на людей этой организации. Там говорится: «С расстрелами по законам военного времени больше нельзя миндальничать; особенно же мы должны натравить наших шпионов, как на дичь, на вождей республиканского, социалистического и профессионального движения. Социалистические вожди и другие демагоги должны быть расстреляны в своих квартирах. Евреев — арестовать и отвести на 4-ый резервный плац, где всех их перевешать. Скорее можно пощадить социал-демократов, чем евреев. Нужно тотчас же захватить в свои руки всю прессу, за исключением право-демократической, национальной и антисемитской. Если же на-

борщики откажутся работать для нас, то первых пятерых расстрелять, а трупы оставить лежать в типографиях. Если в машинном отделении типографщики прибегнут к саботажу, то расстреливать каждого шестого человека. Без всяких послаблений прекратить уличное движение. Кто вопреки запрещению появится на улице, будет расстрелян, как буржуа, так и пролетарий».

Дело Добнера, положившее начало целому ряду убийств в Баварии, показывает, что националисты готовы перейти от слов к делу. Бывший солдат имперского ополчения Добнер узнал, что в замке Мирскофен спрятано оружие. Через полицейского секретаря Глазера (он же Зейфрид) и полицейского сыщика Брахера он сообщил об этом оберлейтенанту Герману Бёму (полицейский псевдоним—Поллингер). За это Добнер получил награду 3.000 марок. По поручению Бёма Добнер должен был указать оружие студентам Шустеру и Берхтольду. Он поехал с ними 21 октября 1921 г. в автомобиле Бёма, которым правил Нойнцер. По дороге студенты заткнули ему рот и били по голове палкой с железным наконечником. После этого студенты, посмотрев его при свете карманной электрической лампы, сказали: «он уже умер». Шоффер спросил: «а вы уверены, что он умер»? Поехали дальше. Добнеру удалось на ходу выскочить из автомобиля и убежать. Очевидно, что от него хотели избавиться, потому

что он знал склад оружия. На суде было установлено, что купец Геллер, Бём и некоторые другие полицейские чиновники образовали комиссию по приобретению оружия и должны были беречь склады оружия от выдачи их (не Антанте, а имперскому правительству *). Шустер и Берхтольд были приговорены к денежному штрафу по 250 марок. Оружие же, принадлежавшее барону Фюрстенберу, тотчас было передано в другое место, как только дело получило огласку.

Убийство депутата Гарейса тесно связано с делом Добнера. Гарейс приложил много энергии к раскрытию этого дела. Ему были известны тайные протоколы гражданской милиции и ее склады оружия. Опасались, что он сообщит о них имперскому правительству. Депутат Унтерлейтнер утверждал в рейхстаге 17 июня 1921 г., что убийца Гарейса близко стоит к мюнхенской политической полиции. Он назвал имена упомянутых здесь Бёма, Глазера, Шустера и Берхтольда. По другим предположениям убийцей Гарейса является Ганс Швейгхорд, подозреваемый кроме того в убийстве горничной Зандмайер. Расследование дела Гарейса мюнхенской прокуратурой совершенно ни к чему не привело.

*) По Версальскому миру Германия обязалась провести разоружение. Имперское правительство решило исполнить эту статью договора, но Бавария упорно противодействовала ему в этом и не сдавала оружия.

Прим. переводчика.

Роль мюнхенской полиции.

Мюнхенское полицейское управление при Пёнере работало рука об руку с организацией «Горная Страна». Связь между ними поддерживалась лейтенантом Вайлем. Много документов «Горной Страны» направлялись прямо в комнату 117-ую полицейского управления, к советнику политического отделения Фрикку. Было высказано также подозрение, что убийцы Эрцбергера при бегстве в Венгрию были снабжены фальшивыми паспортами мюнхенским полицей-президентом Пёнером. Следующий случай подтверждает это подозрение. В одной мюнхенской гостинице был арестован одним полицейским торговец Ганс Эйкман за то, что у него было два паспорта. Когда Эйкмана привели к полицей-президенту Пёнеру, последний сказал: «Один из паспортов — фальшивый, давайте его сюда. Я посылал этого человека с политическим поручением в Венгрию. Он освобождается от ареста, только не проводите его через политическое отделение».

По всей вероятности, на счет «Горной Страны» или близких ей кругов должны быть отнесены убийства депутата Гарейса, лейтенанта Швейгхорда, шпиона Гартунга и покушение на Ауэра.

При этом не следует думать, что политическая атмосфера в Баварии всегда была

нагрета до белого каления. Наоборот, оффициальная система замалчивания приводила к тому, что средний обыватель или вообще ничего не знал обо всех этих делах или относился к ним равнодушно, а напоминание о них считал берлинской травлей. Баварская пресса помогает этому замалчиванию, потому что, за исключением 2—3 социалистических органов, она вся—правая, даже и в тех случаях, когда она называет себя демократической.

Организация „С“.

Насколько может судить посторонний человек, это именно и есть та организация, к которой сходятся все нити. Она образовалась из тайного союза прежней гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии. В настоящее время она является прямым продолжением бригады Эркхарда. Название ее произошло от первой буквы слова консул (Consul): такой псевдоним внутри организации имел ее глава бывший капитан Эркхард. Все члены организации называются по псевдонимам. Организация распадается на военную организацию и тайное судилище. Последнее имеет своею целью наказывать людей, противящихся целям организации, а при случае и убивать их. Эркхард обыкновенно живет в Иннсбрукке, но часто бывал и в Будапеште. 13 мая 1921 г. он, несмотря

на то, что разыскивался полицией, был в Лейпциге и там виделся с Тилессеном. В 1921 г. из организации «Консула» образовался «Северо-немецкий союз», законным образом зарегистрированный. Его главою опять-таки был капитан Эркхард. Для финансирования организации пытались основать даже банк Эркхарда. Во главе консорциума стояли Э. фон-Путткаммер и Эмиль Шефер; одним из служащих был замешанный в убийстве Ратенау бывший кадет фон-Саломон. Шефер был прежде приговорен в Швейцарии к многолетней каторге и изгнанию из пределов страны за целый ряд темных дел.

Как доказано, организация «С» провела убийства Эрцбергера и Ратенау и покушения на Шейдеманна и Гардена.

По поручению организации «С», студент Гюнтер ездил курьером между Берлином и Мюнхеном. Он знал о подготовке убийства Ратенау. При его аресте у него нашли два интересных письма. Одно из них было написано графом Ревентловым *) в Мюнхен к д-ру Шойбнер-Рихтеру, стоящему во главе хозяйственной организации «Возрождение».

---

*) Граф Ревентлов один из наиболее способных и влиятельных немецких публицистов, редактор крайней правой газеты „Deutsche Tageszeitung", где он писал в течение многих лет по вопросам внешней политики, автор известной книги о внешней политике Германии и крайне шовинистической книги „Англия— вампир Европы".

Примеч. переводчика.

Повидимому, он был посредником между немецкими и русскими монархистами крайнего правого крыла. Второе письмо написано сотрудником Ревентлова Петерсоном к санитарному врачу Питтингеру в Мюнхене, преемнику Эшериха в гражданской милиции. Письма говорят о разногласиях между различными организациями и составлены в крайне осторожных выражениях. Людендорф называется в них дядей Людвигом, Эшерих—дядей Эмилем. Кроме этих писем, у Гюнтера нашли рассказ о посещении фон-Ягова в крепости и связанной с этим поездке в Мюнхен. Гемметер, заместитель Киллингера в организации «С», сообщил, судя по этим документам, Гюнтеру, что в Мюнхене очень опасаются возобновления процесса фон-Ягова, так как в таком случае будет очень скомпрометтирован дядя Людвиг.

Как нанимают убийц.

3 июля 1922 г. на Максимилиана Гардена было сделано нападение вблизи его квартиры в Груневальде. Нападавшие—бывший лейтенант Вальтер Анкерман и сельскохозяйственный служащий Герберт Вейхард—нанесли Гардену удары тяжелой железной палкой. Гарден был найден прохожими плавающим в крови. После ареста Вейхарда на квартире его и Анкермана нашли клочки разорванной телеграммы, по которой можно

было предполагать, что подстрекателем к убийству был Альберт Гренц в Ольденбурге. Гренц и его жена были арестованы. После некоторого запирательства он сознался в соучастии. Гренц занимался антисемитской агитацией и состоял председателем немецкого националистического союза в Восточной Фрисландии. В его доме при обыске нашли список сторонников националистической организации, заявивших себя готовыми к действию, и список живущих в Восточной Фрисландии евреев. Гренц показал, что в начале марта он получил анонимное письмо из Мюнхена с предложением подыскать двух молодых энергичных людей, готовых на все ради отечества; они будут обеспечены; ответ просили направить до востребования в Мюнхен под шифром—АВГ 500. Гренц обратился к Вейхарду, который тотчас объявил себя готовым принять предложение и вскоре пришел к Гренцу вместе с Анкерманом. Гренц написал по данному адресу в Мюнхен, что нашел двух человек. Через несколько дней из Мюнхена получилась благодарность и просьба тотчас же выехать во Франкфурт на Майне, где на почте Гренц найдет для себя письмо под тем же шифром—АВГ 500.

Гренц так и сделал. Во Франкфурте он получил под указанным шифром письмо с приложением 23 или 25 тысяч марок. В письме говорилось, что деньги нужно разделить между участниками дела, что он дол-

жен взять формальное обязательство от молодых людей выполнить порученное им и что после выполнения они получат еще деньги, а при желании с их стороны их могут устроить на государственную службу в Баварии. О самом же деле ничего не говорилось, была только приложена бумажка, на которой машинкой было написано два слова: «Максимилиан Гарден». И другая записка такого содержания: «Не посылать ни писем, ни телеграмм, лучше всего воспользоваться автомобилем, не говорить много, уничтожить все имеющее отношение к делу, после окончания дела разъехаться в разные стороны». Гренц возвратился в Ольденбург и осведомил обо всем двух привлеченных им людей. Он взял с них в своей квартире формальное честное слово и обратил их внимание на то, что предателя постигнет участь, предназначенная Максимилиану Гардену. Анкерман получил 10.000 марок, Вейхард 7 или 8 тысяч. Оба они уехали в Берлин, но не выполнили покушения, как было условлено, в конце марта или начале апреля, а шлялись по Берлину, ходили по ресторанам и только после убийства Ратенау написали Гренцу, что, несмотря на неблагоприятную конъюнктуру, они скоро доведут дело до конца. В квартире убийц нашли письмо, которым они «самое позднее во вторник» хотели послать извещение о совершенном убийстве. Вот его текст: «Милостивый государь! Настоящим

имеем честь известить вас, что несмотря на неблагоприятную конъюнктуру дело удачно закончилось. Мы ожидаем вашего скорейшего приезда сюда и настоятельно просим вас поддержать начатую однажды связь. По современному состоянию валюты я считаю безусловно необходимым по возможности скорее завязать деловые сношения с почтенной фирмой на юге. Я разумею под этим возможно скорое получение места для обоих господ в названной почтенной фирме, что им обещано по договору. Разумеется, нужно дать средства на переезд их с семьями. Вместе с тем при выплате причитающегося нам мы просим позаботиться о том, чтобы размеры платежа могли покрыть наши издержки и обязательства, т. е. минимум 60.000 марок. Было бы желательно, если бы наш шеф мог согласиться на это, выбросить на долги сумму в 30 тысяч марок, так чтобы господа агенты могли получить все причитающееся им целиком сверх покрытия долгов. В надежде, что наше сообщение встретит с вашей стороны должную поддержку, имеем честь пребыть с совершенным уважением—все те же старые. P. S. Так как наш почерк вам знаком, то мы просим поскорее послать нам накладные. Подробности—на словах».

«Накладные»—это фальшивые паспорта и деньги. «Фирма на юге»—это организация «С». Анкерман был раньше студентом-кор-

порантом, потом обер-лейтенантом, получил орден железного креста 1-ой степени, был любимцем и нахлебником девиц легкого поведения. На другое утро после своего геройского поступка — нанесения сзади «без риску» удара в череп беззащитного человека—он явился в берлинское бюро немецкой национальной партии и спросил там Дриандера. Дриандера не было. —Кто есть? --Граф Иорк. Этому графу бывший обер-лейтенант сказал: «Вчера я согласно приказа убил Гардена, мне нужно скрыться, я прошу вас дать мне денег на отъезд». Ответ: «Я ничего не могу сделать, но думаю, что мы застанем сейчас Дриандера, пойдемте со мной». Так рассказывает сам граф Иорк и оправдывается тем, что он был один в целом этаже и потому не мог арестовать Анкермана, а хотел заманить его. Анкерман, однако, будто бы понял ловушку и уклонился.

Анкерман, Дриандер и граф Иорк не были арестованы.

Общественное мнение и политические убийства.

Как воздействуют политические убийства на общественное мнение.

Не успела еще жертва остыть, как пресса уже настраивается на известный тон. «Ужасно, ужасно», пишут консервативные газеты: «Мы порицаем политическое убийство, с чьей бы стороны оно не происходило». Однако, тут же слышится некоторый унтертон, который понемногу усиливается: «да разве вообще доказано, что это дело немецких националистов?» Рекою льются крокодиловы слезы. Правительство на минуту пробуждается из своего летаргического сна: строгие законы должны защитить республику. Левые партии громогласно обвиняют убийц. Тут начинает усиливаться унтертон: «Мы против таких эксцессов», т. е. мы против искреннего возмущения убийством, против того, что кошки есть кошки, а члены тайных националистических союзов—убийцы.

Убийцы ускользают. Аршинные заголовки в газетах постепенно исчезают. «Законы для защиты республики» в руках убежденных противников ее легко используются для других целей. Газеты говорят о подкупленных «коммунистической заграницей» убийцах: «Немец ничего подобного не может сделать».

Самое интересное то, что разыгрывается тотчас после убийства: огромное возмущение во всей стране, особенно среди рабочих, отчасти и среди буржуазии. В качестве протеста рабочие партии по своему обыкновению призывают к выступлениям—к стачкам протеста и демонстрациям. Все знают, что при большей дисциплине организованных социалистических партий такие демонстрации проходят всегда спокойно, если только полиция ведет себя разумно, лучше всего, если она совсем удаляется с улиц. Это показывает опыт многих сотен демонстраций. Но такой мирный исход демонстрации никоим образом не в интересах правых партий. Подкупленные провокаторы и провокаторское поведение полиции ведут к нарушению порядка. Происходит столкновение толпы с полицией. Откуда-нибудь раздается пресловутый первый выстрел. (Потом никогда не удается установить, с чьей стороны). Хорошо организованная полиция свирепо набрасывается на безоружную толпу, давит ее, бьет, стреляет. На улице остается несколько десятков демонстрантов, но не полиции. Пресса видит в этом осно-

вательный повод к строжайшему осуждению непрекращающегося террора слева, а не со стороны полиции, и приходит к выводу, что демократия, свобода, конституция находятся в опасности: не со стороны убийц, а со стороны «подстрекателей бессмысленно взбудораженной рабочей массы». Эта аргументация бывает особенно убедительной тогда, когда во время демонстрации рабочие разрушают какие-нибудь символические изображения монархии.

Скоро нужное настроение оказывается достигнутым. Не убийцы, о которых уже успели забыть, — враги республики, а — подстрекатели, призывавшие к честной защите республики. Тут уж вполне справедливо убийц оставить в покое, а засадить в тюрьму демонстрантов. Эта комедия с полным единообразием повторялась при каждом из последних политических убийств. Она еще возмутительнее, чем самое убийство.

Позиция немецкой националистической прессы.

После того как воспоминание об убийстве Ратенау понемногу потеряло свою яркость, националистическая пресса стала переходить от обороны к наступлению. Так, «Немецкая Газета» опубликовала список 276 человек, якобы убитых левыми партиями. Список был потом перепечатан многими националистическими газетами. Если бы даже

число 276 было правильным, то и тогда число убийств, совершенных левыми партиями было бы меньше убийств, совершенных правыми. Но этот список не выдерживает никакой критики, потому что «Немецкая Газета» грубо нарушила все правила статистики.

В список включены около 150, павших во время боя, а затем ни в одном случае не доказано, имело ли убийство действительно политические мотивы. Наконец, только в 38 случаях названы имена убитых. Только в очень немногих случаях указаны точно место и время убийства, так что возможно повторение в списке под различными номерами одного и того же случая. В большинстве случаев дело идет о совершенно голословном утверждении, которого нельзя даже и проверить, напр., «в марте 1920 г. в Рурской области был зверски убит один солдат». К этому нужно еще прибавить ошибки в арифметическом подсчете, показывающие, что список составлен самым небрежным образом.

При каждой статистической работе само собой разумеется указание источников, что делает возможным проверку данных. Я по своей наивности предполагал, что такие источники имеются и у «Немецкой Газеты», и потому послал ей вежливое письмо с просьбой указать мне их: разумеется, я не получил ответа.

Политическое различие техники убийств.

Чем объяснить огромную разницу в числе убийств, совершенных правыми партиями (354) и левыми (22)? По-моему было бы неправильным сказать, что «левые—морально выше правых». Такое заключение уже по тому было бы неправильным, что здесь исследуется только один вид преступления, а другие, напр., преступления против собственности, лежат вне поля зрения. Относительно них можно сделать предположение, что сообразно социальной структуре они чаще встречаются в левом лагере, чем в правом. Правда, при этом опять-таки нельзя забывать, что преступления против собственности в противоположность преступлениям против жизни обусловливаются также и социальным фактором, тем, что неравномерное распределение собственности само их порождает. Они безусловно сильно сократились бы при таком строе, который облегчил бы каждому борьбу за существование. А что преступления против собственности не редки и в правом лагере, это показывают многочисленные случаи ограбления трупов убитых: так, из 184 «погибших в Мюнхене от несчастной случайности» 68 чел. были ограблены.

Действительное различие между партиями по-моему не моральное, а техническое. Сторонники левых партий в результате много-

летнего воспитания в профессиональных союзах привыкли думать, что массовое выступление есть единственно верное средство борьбы. Ибо в основе левых партий лежит материалистический взгляд на историю, который переносит центр тяжести в истории на экономические и технические моменты.

У правых же нет этой школы. Им важно поддержать существующую хозяйственную анархию, которая характеризуется выражением «спокойствие и порядок». Этой цели соответствуют индивидуальные средства борьбы, аналогичные «пропаганде действием» у анархистов. Правые—сторонники теории героев, по которой историю делают герои. Соответственно этому они склонны думать, что левую оппозицию, надеющуюся на радикальный общественный переворот, можно победить уничтожением ее вождей. И этой цели они достигли: убиты все вожди левых, выступавшие открыто против войны и пользовавшиеся доверием рабочей массы: Либкнехт, Роза Люксембург, Эйснер, Ландауэр, Иогихес и др. В последнее время переходят к убийствам вождей умеренных партий, как показывают покушения на Эрцбергера, Ауэра, Шейдеманна и Ратенау.

Действие этой техники для данного момента неоспоримо. У левых нет более ни одного значительного вождя, ни одного такого человека, о котором бы массы думали: он столько пострадал за нас, он так на мно-

гое решался, что мы можем слепо доверять ему. Рабочее движение этим несомненно отброшено на годы назад. Успех тем больше, что ни в одном случае кара не постигла убийц.

Все убийства справа совершены либо офицерами, либо солдатами. Вполне понятно, что военные особенно склонны к этому методу борьбы в результате психического огрубения во время войны, где жизнь отдельного человека ни во что не ставилась. Особенно большое влияние в этом смысле оказали многочисленные прямые или косвенные приказания не брать пленных.

Политические убийства прежде и теперь.

Равнодушие, с которым теперь относятся в Германии к политическим убийствам и к жертвам уличных столкновений во время демонстраций, можно объяснить только тем, что во время войны притупилось чувство уважения к человеческой жизни.

Виновники злодеяний привыкли к непозволительной мягкости судов. Политические убийства в Германии в наше время отличаются от таких же убийств в других странах в прежнее время двумя моментами: их массовым характером и их безнаказанностью. Прежде, чтобы пойти на политическое убийство, нужна была все же некоторая решимость. Поэтому они не были лишены изве-

стного героизма: для этого нужно было жертвовать и собственной жизнью. Теперь же убийцы у нас ничем не рискует. Могущественные организации с раскинутою по всей стране сетью агентов обеспечивают ему пристанище, защиту и материальную помощь. В случае необходимости уехать заграницу «благомыслящие» чиновники, полицей-президенты дают фальшивые «настоящие документы». Эта техника со времени обер-лейтенанта Фогеля весьма усовершенствовалась. Убийца великолепно устраивается в лучших отелях. Говоря кратко, политическое убийство превратилось из героического поступка в повседневное действие, пожалуй, даже в легкую профессию.

Соучастие судов.

Подобного рода положение было бы немыслимо без содействия судов, может быть бессознательного. Это можно доказать даже географически. В Рейнской провинции, в оккупированной области, политические убийства встречаются гораздо реже, чем в остальной стране. Там знают, что оккупационная комиссия не проявит заинтересованности немецких судей. (Если бы подобные вещи происходили в собственной стране оккупирующих держав, то весьма вероятно, они поступали бы так же, как и немецкие судьи). Другим доказательством бессознательной вины

судов в политических убийствах является тот факт, что на призывы убить известных пацифистов не смотрели, как на преступление. Заплатив всего несколько бумажных марок штрафа, такой пропагандист убийств может продолжать сеять семя ненависти. На другой день после убийства Эрцбергера в одной газете в Шпандау можно было прочесть такое восклицание: «На эшафот, вот и вторая жертва! А ну-ка теперь фон-Герлаха! *). Автор статьи Геманн заплатил за это по суду всего 200 марок штрафа.

Это мое положение, т.-е. что мягкость немецких судов является одной из предпосылок политических убийств, разделяется и правой прессой. Там часто можно прочитать фразы вроде следующих: Жаль, что такой-то «изменник» живет не в Германии, а в другой стране. Там его, к сожалению, не постигнет, как Эрцбергера, карающая десница правосудия. Судя по таким фразам, политического противника, живущего заграницей, нельзя убить не потому, что это технически невозможно (этого нельзя сказать), а потому, что там убийца рискует понести должную кару.

Несмотря на все эти ужасные факты, я не стану утверждать непременно, что не-

---

*) Фон-Герлах—вождь демократов, известный публицист и редактор демократической газеты. Был решительным противником войны и империалистической политики.

Прим. переводчика.

мецкие судьи сознательно попирают право. Они, правда, оставляют безнаказанными свыше 300 убийств. Но в пользу их я могу указать на смягчающие вину обстоятельства. У них нет сознания наказуемости их деяний. От тех старых времен, когда современному экономическому строю не угрожали внешние враги и когда приверженцы правых партий составляли бесспорно высший слой общества, у немецких судей осталось такое представление об этой привилегированной касте, что из ее среды никоим образом не может выйти целый ряд убийц и подстрекателей к убийствам. Поэтому убийц оправдывают на суде.

Большая же часть общественного мнения по понятным причинам классовой заинтересованности становится на такую точку зрения: Roma locuta, causa dicta *). Суды оправдали обвиняемых в убийстве. Суды — беспартийны. Инцидент — исчерпан. Протестует только меньшинство, главным образом, партийные товарищи убитого. Кроме того фикция беспартийности немецких судов имеет свое внешнеполитическое основание: не нужно давать повода Антанте усомниться в том, что сама Германия поступит справедливо с виновниками войны.

*) Рим сказал свое слово, дело решено.

Техника судебного оправдания.

Относительно небольшое число покушений против реакционеров повлекло за собой тяжкие кары, а из весьма многочисленных покушений на сторонников левых партий не наказано ни одно. Если в этих случаях дело и доходило до суда, то суд всегда находил повод к оправданию: то добросовестное заблуждение, то неверно понятый приказ, то мнимая психическая ненормальность обвиняемого. Большая же часть дел просто прекращалась либо по постановлению прокуроров, либо в распорядительном заседании судов.

Когда и убийца, и его злодеяние известны в точности, разыгрывается следующая юридическая комедия. Какой-то офицер отдал какой-то приказ, который можно было понять так, что спартаковцев нужно расстреливать. Подчиненный этому офицеру человек расстреливает людей, которых он считает спартаковцами. Его оправдывают на том основании, что он искренне думал, что поступает по приказу. Иначе сказать, его оправдывают по его субъективному пониманию спартакизма, точь в точь как оправдали в свое время лейтенанта Форстера *), потому

*) Лейтенант Форстер незадолго до войны прославился тем, что произвел в эльзасском городке Циберне ряд насилий над гражданами, потому что ему показалось, что местные жители смеются над прусским мундиром. Это подало повод к большим дебатам в рейхстаге. *Прим. переводчика.*

что он думал, что он защищается. Против же офицера, отдавшего приказ, дело вовсе не возбуждается, потому что либо приказ гласил совершенно иначе, либо, если он гласил именно так, то он не был приказом по службе. «Спартаковец» же, естественно убит. Виновато смутное время. Судебное дело прекращается прокурором. Всего интереснее эта процедура разыгрывается тогда, когда одновременно к казне предъявляется гражданский иск о денежном пособии семье убитого. В этом случае требуется, как известно, признание судом незаконности расстрела. Иск удовлетворяется, но против виновника убийства ничего не предпринимается.

Общественное мнение в общем это одобряет. Ибо общественному мнению искусной пропагандой вбито в голову, что всякий враг милитаризма—спартаковец, т.-е. враг человечества, т.-е. человек, стоящий вне закона.

Когда сторонник правой партии убивает сторонника левой, то судья психологически не может отрешиться от представления, что убит его враг, заслуживающий наказания уже за самый свой образ мыслей. Так что убийца, собственно, только упредил карающую десницу правосудия. Поэтому часто случается, что на судебном процессе морально судится не убийца, а убитый. Убийца, ведь, принадлежит к тому же самому социальному слою, что и сам судья, он жил в том же жизненном кругу. Бесчисленные социальные

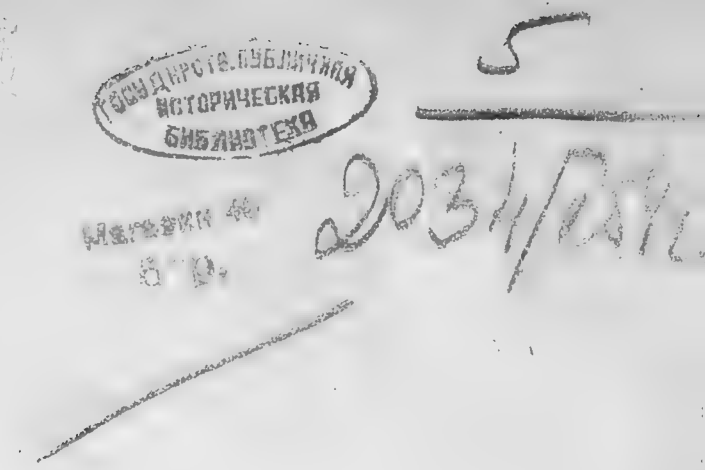
связи соединяют убийцу-офицера с оправдывающим его судьей, с прокурором, прекращающим дело, со свидетелем, который станет на суде подробно описывать «попытку к побегу». Они все—одна плоть и одна кровь. Судья понимает их язык, их чувство, их мысли. Под маской формализма его душа полна сочувствия к ним. И убийца выходит из суда оправданным.

Но если убийца—левый,—горе ему! Судья, принадлежавший прежде официально к высшему классу общества, приучен к мысли, что существующий строй должен охраняться законами. На этом основано его собственное общественное положение. И потому каждый противник существующего строя уже тем самым отринут обществом. Это — человек, способный на всякое позорное деяние. И если только хоть приблизительно можно доказать его вину, то строжайшее наказание ему обеспечено.

Я не такой оптимист, чтобы думать, что хоть один убийца будет наказан после появления в свет моей работы, или что политические убийства совсем прекратятся. Но я считал бы цель свою достигнутой, если бы по крайней мере в будущем за политические убийства назначалась должная кара.

Оглавление.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ
ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Петроград, Пр. 25-го Октября, 74, тел. 1-34-34.
Москва, Тверская, 38, телефон 2-64-61 и 280-09.

